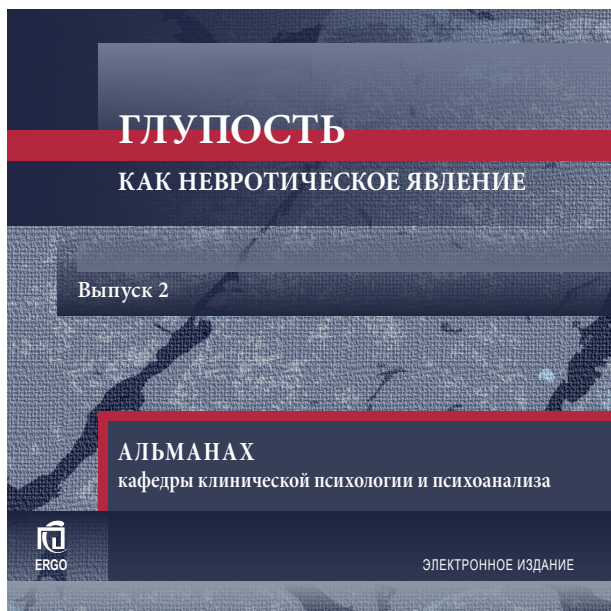

Альманах кафедры клинической психологии и психоанализа

ВЫПУСК 2

ГЛУПОСТЬ КАК НЕВРОТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

ЭЛЕКТРОННОЕ ИЗДАНИЕ

АЛМАНАХ

КАФЕДРЫ КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ
И ПСИХОАНАЛИЗА

Выпуск 2

ГЛУПОСТЬ КАК НЕВРОТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

УДК 159.964.26

ББК 88.2

A571

A571 Альманах кафедры клинической психологии и психоанализа. Вып. 2. Глупость как невротическое явление / Удмурт. гос. ун-т ; под ред. С.Ф. Сироткина. — Электрон. текстовые дан. — Ижевск : ERGO, 2015. — 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). — Систем. требования : PC ; Acrobat Reader 8.0 или старше. — Загл. с экрана.

ISBN 978-5-98904-237-1 (e-book)

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

© ООО Издательский дом «ERGO», 2015

© ООО Издательский дом «ERGO», 2015. Все права защищены.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

С.Ф. Сироткин	
Заметки о «бытии» глупости	6
И.Н. Чиркова	
Тема глупости в анекдотах про Вовочку	14

КЛАССИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ

Карл Ландауэр	
К психосексуальному генезу глупости	23
Карл Ландауэр	
Интеллект и глупость	57
Берта Борнштейн	
К психогенезу псевдодебильности	75
Мелани Кляйн	
Вклад в теорию интеллектуального торможения	107
Эдмунд Берглер	
К проблематике псевдодебильности	127

ЗАМЕТКИ О «БЫТИИ» ГЛУПОСТИ

С.Ф. Сироткин

Этимология понятия «глупость»

Рассмотрение возможного происхождения слова вскрывает его взаимосвязи, может дать представление о смысловой динамике.

Этимологический словарь Фасмера¹ возводит происхождение слова «глупый» к «глухой», «неспелый», «испорченный» и даже «полночный». Приведем словарную статью полностью:

глу́пый, глуп, глупа́, глупо́, укр. *глу́пий*, болг. *глуп, глупав*, сербохорв. *глуп, глупа*, словен. *glup* «глухой, глупый», чеш. *hloupy*, слвц. *hlúry*, польск. *głupi*, в.-луж. *hłury*, нж.-луж. *głury*. || Вероятно, родственно — при наличии различных расширителей корня — др.-исл. *glófr* «идиот», далее, возм., с *глум, глумбй*; см. Младенов 102; AfslPh 36, 120 и сл.; Брюкнер, KZ 45, 299; 48, 186; Махек, LF 69, 248 и сл.;

Голуб 60 и сл. Заимствование из germ. невероятно, вопреки Бернекеру (1, 309), Уленбеку (РВВ 26, 287); см. Кипарский 26, с литер. Ср. также разнообразные знач.: русск. диал. *глу́пой* «неспелый (плод)», тотемск. (РФВ 18, 281), чеш. диал. *hlupiti* «затенять», *uhlupiti* «испортить»; см. Махек, там же. [Ср. еще блр. диал., слущк. *самая глупась «полночь»* (Сб. ОРЯС 89, 1912, стр. 48); Отрембский (LP 1, 1949, стр. 131) указывает на родство слав. слов с лит. *glùžas* «глупый». — Т.]

¹ Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. — М., 1986. — Т. 1: А–Д. — С. 416–417.

Глупый, таким образом, тот, кто не слышит, не зрел и погружен в темень, тихий и темный.

Интересны также наблюдения за взаимосвязями слова «глуп» в этимологическом словаре Преображенского¹:

глумъ, глѹма *шутка, насмѣшка*; глумѣться *насмѣхаться*; глумлѣніе; обл. сѣвек. глумной *глупый*.

мр. глумъ *тж.*, глумыты. **сс.** глумъ; *везъ глѹма поn sublimis; constans.* **др.** глумъ *tutultus, pigae, scena забавы*; глумити *забавлять*; глумитися *шутить, насмѣхаться*; глумиць, глумотворць *шутъ, скоморозъ, актеръ*. **сл.** gluma *шутка*; glumiti *se.* **б.** глумъ *шутка*; глумъ са *шучу*; глумецъ *шутъ*; глумень *шутливый*. **с.** глѹма *веселая игра, комедія*; глумити, глумѣмъ *шутить, смѣшнить*; глѹмар, глѹмацъ *шутъ, комедіантъ*. **ч.** стар. hluma *histrіo*. **п.** діал. glum *презрѣніе, дурное обращеніе*; glumic *бразнить, обижать*.

— Уленбекъ (АЯ. 15, 486) считаетъ заимствованнымъ изъ сканд.: дрѣв. glaumr *стукъ, шумъ, strepera hilaritas*. Такъ же Фикъ (Fick. 1², 419). Бернекеръ (BEW. 308) считаетъ исконнородственнымъ съ происходящими отъ инд. корня *ghleu-о *шутка, забава*. Такъ же А. Торп (149): герм. *glauwa *веселость*: дрѣв. glaumr (см. выше); gleuma *быть веселымъ*. **анс.** gléap *веселость*. **гр.** χλεύη *шутка, насмѣшка*. Отъ распространен. корня *ghludh-: лит. glaudas. **лѣтн.** glauds (ср. Zupitza, Germ. Gutturale 174. Falk-Torp EW. 332).

глупъ, глупа, глѹпо; глѹпый, глупѣть, глупѣю, глупить *говорить, дѣлать глупости, глупость, глупецъ*.

мр. глупый. **др.** глупый. **сл.** glup *глухой, глупый*. **б.** глупавъ. **ч.** bloupy. **п.** glupi. **вл.** hluru. **ил.** gluru *тж.*
— Бернекеръ (BEW. 309), со ссылкой на Матценауера (Listy philologicke, 7, 182) считаетъ старымъ заимствованіемъ изъ герм.: дрисл glōbr *глупецъ*. Относительно этой группы герм. словъ см. А. Торп 147 и Zupitza, German. Gutturale 203.

глухъ, глуха, глѹхо; глухой: глушь, глушить, глухотѣ, глухарь; въ степени исчезн.: глѹхнутъ; прош. оглѹхъ. (Юда же блѹхъ изъ блѹхъ (ср. мрус.).

мр. глухий. глушь, глушанъ *тетеревъ-глухарь*; оглухъ, олухъ *дуракъ*. **др.** глухъ. **сс.** глахъ. **сл.** gluh. **б.** глухъ *тж.*; глухар *глухой, тетеревъ*. **с.** глѹх, глѹхи, глѹхнути *глѹхнутъ*. **ч.** hluchf. **п.** gluchy *глухой, gluchnâc*.

— Нс объяснено (Meillet, Et. 173. BEW. 309). М.-б., относится къ одной изъ предыдущихъ группъ. Ср. глупъ, глумъ.

¹ Преображенский, А. Этимологический словарь русского языка. — М., 1910–14. — Т. 1: А–О. — С. 129.

Может ли быть глупым животное?

Может ли быть глупой машина?

В отношении машины и животного может показаться странным вопрос о глупости. Может ли быть глупым животное? Животное действует согласно инстинкту. Инстинкт подразумевает стандартное решение стандартных ситуаций. Животное может обучаться. Его обучение расширяет репертуар возможных реагирований на изменяющиеся задачи. Формирование условного рефлекса обогащает поведенческие паттерны животного. Его выявляемая не-о-способленность реагировать на новые задачи заставляет формироваться новые рефлексы, все поведение животного направлено на приспособление к ситуации, на максимальную органичность, вписанность его существования в ситуации. Есть ли здесь место для глупости? Идеальная схема обучения — наращивание знаний при развитии способности применять их к различным ситуациям. Рефлекторное реагирование на ситуацию обеспечивает прочную связь между проблемой и ее решением. Всякий сбой во взаимосвязи реакции и ситуации для животного — это невроз, успешно вызываемый таким образом в экспериментах сотрудников Павлова, и это не глупость.

Может ли быть глупой машина, компьютер? Применимо ли понятие глупости к неживому? Если нечто мыслит, то оно может быть либо умным, либо глупым. Однако мышление машины предопределено человеком. В ее алгоритмах есть только определенный выбор; она не может в своем выборе противоречить себе. Машина — не амбивалентна, естественно, ни в чувствах, ни в выборе решения. Человеку доступна противоречивость высказывания и действия, что создает ситуацию неоднозначности, а иногда и неуместности решения. Для животного — это

сбой инстинкта, для машины — это сбой алгоритма, и то и другое ведет к определенному разрушению, но для человека противоречивость решений, неоднозначность ситуации, расколотость в существовании — естественное состояние.

Проблема глупости — приговор бихевиоризму. Именно ее психологическое разрешение должно указать на ограниченность и неоправданность использования однозначных бихевиористических схем в отношении человека, тем самым делая само их применение глупым.

Глупость — специфическое человеческое качество

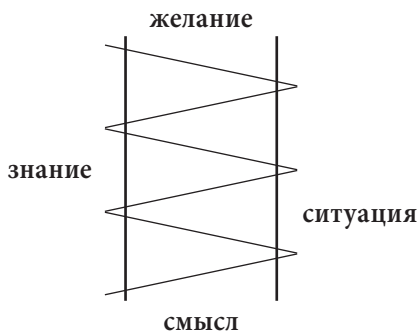
Глупость связана с тем, что человек проявляет либо необученность, либо неуместную обученность. В первом случае, он не способен решать задачи, возникающие перед ним, в силу того, что его действия не соответствуют требованиям задачи. Во втором случае, он неуместно применяет способы решения задачи к задачам иного свойства. Глупость — феномен высказывания, когда это высказывание отсылает к смыслу, не соответствующему настоящей ситуации.

Ж. Лакан приводит пример деревенского простака Грибуйля, который, попав на похороны, начал поздравлять присутствующих с праздником, за что его, естественно, отругали и побили. Он вернулся домой, где ему объяснили, что на похоронах с праздником не поздравляют, а выражают сочувствие и говорят «царствие ему небесное». По выходу из дому Грибуйль встречается со свадебной процессией и начинает выражать сочувствие и повторять «царствие ему небесное». За это его опять побили. Обучение правильному поведению не пошло впрок. Грибуйль научается правильному действию, однако, применяет полученное знание неуместно, к неподходящему случаю.

Он знает то, чему его научили, однако, не знает ситуации, когда это должно быть применено.

Человеческая жизнь такова, что человек может научиться поступать правильным образом. Парадокс же состоит в том, что часто поступать надо не то чтобы правильно, а просто совершенно иначе.

Разрыв между знанием и ситуацией его применения должен быть чем-то заполнен, концы должны быть связаны своеобразной шнуровкой, стягивающей две стороны действия.

По этой шнуровке движутся желание и смысл. Желание притягивает знание к ситуации, а смысл возвращается от ситуации к знанию. Глупость проявляется в разрывах этой шнуровки, в разрывах связей между знанием, ситуацией и смыслом, в разрыве самого смысла, когда он не выполняет функцию обратной связи.

**Глупость связана с навязчивым повторением
неуместного решения задачи**

Еще в одном месте Ж. Лакан упоминает эффект Б.В. Зейгарник — эффект незавершенного действия. Задача, которая осталась нерешенной, сохраняется в памяти, тревожит, мотивирует, требует возвращения к ее решению.

В случае глупости (или в том, что мы считаем глупостью), неудачное решение задачи удерживает ее в памяти как нечто, заставляющее возвращаться, навязчиво воспроизводя *не-решение*, нелепость, неуместность. При этом желание, содержащееся в решении данной задачи, сохраняет свою актуальность, не разрешается, но и не исчезает, бытийствует в форме ляпсуса, глупости.

Пример сопротивления просвещению приводит Карл Ландауэр. Ребенок, несмотря на то, что родители дали ему правдивую информацию о рождении детей, демонстрирует регрессивное возвращение к мифу об аисте. Своим поведением в игре, высказываниями ребенок отрицает знание, возвращается к исходному состоянию незнания, фактически предвкушает возможное познание, но останавливается на половине пути к нему.

Он наслаждается ситуацией «как бы» не полученного знания, боится следующего шага и проявляет «необъяснимую» глупость своего упорства в инфантильном убеждении про аиста. Весь смысл его «глупости» в продлении этой нехватки связей между знанием и ситуацией.

Чудики в рассказах В. Шукшина

В ряде рассказов Шукшина представлен, можно сказать, определенный антропотип «чудика», мужика, отличающегося непримиримым противоборством здравому смыслу, как бы выпадающему из повседневной логики жизни.

Глупость здесь позволяет герою существовать вне установленного порядка, вопрошая о его смыслах.

В этих персонажах, наряду с наивностью и простодушием, присутствует удовольствие быть жадным, эгоистичным, вбирающим жизнь максимально полно, бесстыдно. Позволение себе быть инфантильным, агрессивным. Эти

типажи своего рода «трикстеры», где глупость — функция социальной динамики.

Мышление — это оглядывание (по Шестову)

Среди ряда замечательных максим русского философа Льва Шестова есть рассуждение о мышлении:

«Наше мышление есть, по самому существу своему, оглядка — по-немецки *Besinnung*. Оно родилось из страха, что за нами, под нами, над нами есть что-то, что нам угрожает. И в самом деле, как только человек начинает оглядываться, он «видит» страшное, опасное, грозящее гибелью. Но если — согласится сделать такое допущение? — страшное только тогда и тому страшно, кто оглядывается? Голова Медузы ничего не может сделать человеку, который идет вперед и не оглядывается, и превращает в камень всякого, кто повернется к ней лицом».

На что же нельзя смотреть? На солнце и на Горгону (Медузу¹). Нельзя смотреть на гениталии отца и на гениталии матери. Мышление, по Шестову, оглядка на тайну гениталий родителей, на страх перед их парализующей силой.

Глупость, таким образом, — невозможность отвлечься от своего страха и своего одновременного интереса к тайне родительских гениталий, которые, в свою очередь, тривиализируются, низводятся, вульгаризируются. И при этом исчезает предмет мышления, зато субъект справляется со страхом. Устанавливается странная взаимосвязь.

И далее Шестов пишет:

«Мыслить не оглядываясь, создать “логику” неоглядывающегося мышления — поймет ли когда-нибудь философия, поймут ли философы, что в этом первая и насущнейшая

¹ *Freud, S.* Das Medusenhaupt (1940c [1922]). // *G. W.* — Bd. XVII. — S. 45, 47–48.

задача человека — путь к “единому на потребу”? Что инерция, закон инерции, лежащий в основе оглядывающегося мышления с его вечными страхами пред возможностью неожиданного, никогда не выведет нас из того полусонного, почти растительного существования, на которое мы обречены историей нашего духовного развития?»¹

Можно было бы ответить философу: «Видимо, да — не выведет!» Субъект стоит перед «многообещающим» выбором: между болезненной мнительностью, навязчивой рациональностью, психотическим скачком мыслей, истерической словоохотливостью и т. д. — с одной стороны, и здоровой бессмысленностью — с другой. Однако можно предположить и третий путь — мучительный путь познания, где все колебания мысли, ее болезненность и ее пугливость принимаются стойкостью разума, готового смотреть как на солнце, так и в глаза Медузе.

¹ *Шестов, Л.* Сочинения: В 2 т. — Т. 1. — М.: Наука, 1993. — С. 660.

ТЕМА ГЛУПОСТИ В АНЕКДОТАХ ПРО ВОВОЧКУ

И.Н. Чиркова

Глупость является распространенным социально-психологическим феноменом. Часто употребляемая в народе фраза «глупый как ребенок» позволяет предположить, что быть глупым свойственно маленьким детям. При этом фраза «устаи младенца глаголит истина» указывает на то, что именно дети обладают острым умом и способностью правдиво выражать свои мысли и переживания. Из этого противоречия возникает несколько проблемных вопросов: Что значит быть глупым? Каким образом смьшленный рассудительный ребенок в ходе своего развития может стать глупым? Почему взрослый человек часто изображает из себя глупого ребенка? Чем привлекательна глупость?

Для ответа на эти вопросы обратимся к статье Карла Ландауэра «К психосексуальному генезу глупости»¹. В данной работе автор представляет глупость как состояние, при котором позволительно не воспринимать требования окружающего мира и собственного Сверх-Я и тем

¹ Ландауэр, К. К психосексуальному генезу глупости (1929). // Ландауэр, К. Аффекты и развитие / пер. с нем. — Ижевск: ERGO, 2013. — С. 59–83.

самым получать удовольствие от незнания, от фантазии о непогрешимости своих родителей и об их безграничной любви к своему ребенку.

Материалом для анализа механизмов переживания глупости может стать рассказывание людьми анекдотов, то есть мыслительных острот, «где слушателю предлагается почувствовать истинный умысел через его противоположность»¹. Согласно работе Шандора Ференци «Психология остроты и комического» в корнях мотива, побуждающего человека к созданию анекдота, «господствуют инфантильные, то есть не строгие, логичные, а поверхностные способы ассоциации. Средства мыслительной остроты, а именно изображения с противопоставлением либо с довольно слабым намеком, действуют развлекательно потому, что на короткое время вводят в заблуждение наш рассудок, и тем самым мы можем сэкономить определенную работу по торможению, к которой мы уже по привычке автоматически приступаем. Таким образом, анекдот, представляя собой форму краткого и остроумного высказывания, позволяет нам развернуть сразу несколько пластов в восприятии образа глупого человека.

В повседневной российской традиции есть анекдоты про Вовочку. Этот персонаж воплощает в себе одновременно детское всемогущество, непосредственность, наивность, скрытую агрессию. Интересно было бы посмотреть, каким образом в анекдотах про Вовочку разворачивается тема глупости.

Рассмотрим ряд характеристик глупости, выделенных на основе текста Карла Ландауэра.

¹ Ференци, Ш. Психология остроты и комического (1911а). // Ференци, Ш. Собрание научных трудов. Работы 1908–1912 / пер. с нем. — Ижевск: ERGO, 2013. — Т. 2. — С. 195–210.

1. *Быть глупым — значит быть невежественным, особенно в вопросах сексуальности*

По мнению Ландауэра,

«для ребенка любовь — это уделение времени, время, когда мать принадлежит ему, когда отец дарит себя ему. Ребенок тоскует по этому уделению времени, по этой любви, его потребность в этом ненасытна. Но он снова и снова получает отказ, взрослый слишком мало с ним разговаривает, слишком часто отмахивается от его вопросов словами: ты слишком глуп, настолько часто, что “глупый” для ребенка становится почти равнозначным “маленькому”. <...> И потом в своих мечтах он видит себя большим, рассудительным и даже что родители с нетерпением ждут, чтобы он заговорил с ними, и добиваются этого всеми силами. И у него снова и снова появляется повод мечтать об этом, потому что он знает, что, по сути, он намного рассудительнее, чем думают родители; так легко доходит и до высмеивания этих глупых взрослых, которые не знают, что ребенок видит их насквозь, в частности во всей их лживости, особенно в сексуальной»¹.

Самым важным вопросом для любого ребенка является вопрос о его рождении. Спрашивая родителей, откуда он появился, ребенок ждет искреннего ответа, но чаще всего получает отказ или слышит лживые истории, которые он не хочет принимать.

В анекдотах про Вовочку тема рождения ребенка — одна из самых распространенных.

* * *

— Вовочка, сегодня тебе аист принес сестричку, — радостно говорит отец своему четырехлетнему сыну. — Ты хотел бы посмотреть на нее?

— На сестренку нет, но мне очень хотелось бы посмотреть на того аиста.

¹ Ландауэр. Цит. соч. С. 64–65.

* * *

- Папа, откуда берутся слонята?
- Видишь ли, Вовочка...
- Только не рассказывай мне про аиста. Аист его просто не поднимет.

* * *

- На уроке природоведения учительница спрашивает:
- Кто знает, почему аисты на зиму улетают в Африку?
- Встает Вовочка:
- Понятное дело, негры тоже хотят иметь детей!

* * *

Учитель задал на дом написать сочинение на тему «Происхождение моей семьи».

Дома Вовочка спрашивает у бабушки:

- А ты откуда на свет появилась?
- Меня аист принес.
- А мама?
- Ее тоже аист принес.
- Ну а я?
- А тебя мы в капусте нашли.

Вовочка нахмурил брови и стал писать: «Вот уже три поколения, как в нашей семье нет нормальной рождаемости».

Все эти анекдоты объединяет то, что Вовочка, задавая с точки зрения родителей глупые вопросы, в действительности является знающим о своем происхождении взрослым человеком, который не принимает ложь и не позволяет своим родителям опускаться до лжи. Комический эффект в данном случае достигается тем, что «мы на минуту забываем о себе и смущение в целях экономии заменяет серьезная, целенаправленная ассоциация»¹. Вместо глупого комментария Вовочки на умные реплики отца,

¹ Ференци. Цит. соч. С. 200.

мы слышим серьезные умозаключения мальчика, которые ставят взрослого человека в глупое положение, вызывающее у нас смех. Образ умного Вовочки делает очевидным, что глупо считать ребенка неспособным понять историю своего рождения, отличать ложь от правды. Дети видят, что «родители лгут им не только в понимании взрослого, то есть говорят не то, что думают, а прежде всего в том понимании, в каком слово “ложь” используется ребенком: что взрослые поступают не так, как говорят»¹.

* * *

Отец говорит Вовочке:

— Я вчера нашел на улице 200 тысяч рублей и отнес их в милицию. А ты что бы сделал на моем месте?

— То же, что и ты. Соврал.

2. Быть глупым — значит оставаться безнаказанным, становясь личностью, которую боятся

«Итак, действительно легко понять, когда так много людей изображают глупцов, притворяются глупыми: они обычно быстро и в большом объеме получают вторичную выгоду болезни. Их оставляют в покое. *Enfant terrible*², который в своей ангельской простоте может творить любые пакости, не только остается безнаказанным, то и становится личностью, которую боятся»³.

* * *

Учительница:

— Вовочка, почему ты опять опоздал?

Вовочка:

— Ну, Марья Ивановна, ну вы же сами говорили, что учиться никогда не поздно.

¹ Ландауэр. Цит. соч. С. 74.

² *Enfant terrible* (фр.) — ужасный ребенок.

³ Там же. С. 65.

В данном анекдоте слова, сказанные от имени маленького глупого Вовочки, позволяют увидеть значимых взрослых, каковыми для нас являются родители, учителя, в глупом положении. Непосредственность восприятия ребенка придает ему силу, а взрослого лишает всемогущества. Наличие глупости позволяет взрослому и ребенку поменяться ролями: взрослый может стать маленьким, то есть слабым и безответственным, а ребенок с помощью глупого поведения достигает свободы, то есть без страха наказания может совершать самые смелые поступки, задавать откровенные вопросы, не ограничивать собственные фантазии и высказывания.

* * *

Урок литературы. Учительница:

— Дети, придумайте рифму со словами «Если б я имел коня».

Наташка:

— Если б я имел коня — я б на нем каталася.

Петька:

— ...

Вовочка:

— Если б я имел коня — это был бы номер,
Если б конь имел меня — я б наверно помер.

3. Глупость — «чудесное оружие», поскольку позволяет открыто ненавидеть

С помощью глупости слабый человек в полной мере может дать волю своим чувствам, в том числе и чувству ненависти, поскольку наличие глупости позволяет быть безответственным, то есть не отвечать на запросы и требования окружающих, быть по отношению к ним глухим и слепым, бесчувственным.

* * *

— Папа, я хочу, чтобы ты мне купил настоящий автомат.

— Автомат? Ты что, немного не в себе?

— В себе, папа. Купи мне настоящий автомат!

— Не говори глупостей, или я сейчас разозлюсь.

Тогда Вова начинает стучать ногами и завывать. Отец дает сыну подзатыльник.

— Я сыт по горло! И вообще, кто здесь командует?

— Ты, — плача отвечает Вова, — но если бы у меня был автомат...

4. Быть глупым и несведущим означает также быть неспособным получать знания о том, что родители не непогрешимы

«И опыт нашего материала, полученного на больных, показывает нам, что большая часть человеческой глупости — как учит нас Фрейд — осуществляется благодаря тому, что дети, для того чтобы угодить родителям, стараются больше не спрашивать, откуда они появились, каким образом в их появлении участвовал отец, как отличаются между собой оба пола, и все эти тысячи вопросов, которыми дети докучают родителей. И, поскольку дети видят это, они учатся молчать. <...> ребенок не может сказать своим родителям: ты лжешь. Он даже не хочет думать и видеть, что родители лгут, то есть делают то, что сами постоянно характеризуют как “плохое”. Ведь быть плохим значило бы быть нелюбимым. А ребенок хочет любить своих родителей, не только из нужды, но и из тысяч томлений»¹.

Итак, ребенок, чтобы верить родителям, закрывает глаза на действительность. Он не может видеть больше, чем входит в образ идеальных родителей.

¹ Там же. С. 74.

* * *

Учительница обращается к ученикам:

- Дети, назовите, каких вы знаете космонавтов?
- Гагарин, Титов...
- Правильно, а ты Вовочка кого хотел бы добавить?
- Мои папа и мама.
- Ты что-то путаешь.
- Нет, не напутал. Я вчера ночью проснулся и слышу — папа маме говорит: «Ну что, полетели?» А мама отвечает: «А ты скафандр надел?» — «Нет». — «Тогда полет отменяется».

Данный анекдот показывает образ глупого Вовочки, который идеализирует своих родителей, закрывая глаза на действительность. Но существуют и анекдоты, показывающие умного Вовочку, способного понять то, что его родители не непогрешимы.

* * *

Вовочка утром идет в спальню к родителям, но дверь закрыта. Вовочка смотрит в замочную скважину, там родители занимаются любовью. С угрюмым видом он возвращается к себе:

- И эти люди!!! И эти люди запрещают мне ковыряться в носу!!!

* * *

Дети спрятались под родительскую кровать. Мама с папой пришли из кино.

- Наверное, дети у бабушки, — говорит мама, — давай в постель, пока их нет.

Вовочка шепотом Леночке:

- Видишь, какие бесстыжие, одного делают, а двоих дают!

В представленных анекдотах маленький Вовочка становится агрессором, разоблачающим своих родителей,

разрушающим в нашем восприятии идеализированный образ родительских фигур, давая возможность выходу сексуальных и агрессивных влечений.

Наши размышления приводят к выводу о том, что быть глупым для человека означает быть безответственным, «глухим», нечувствительным к требованиям окружающего мира, способным открыто ненавидеть. Проявление глупости у маленького ребенка может быть связано с желанием не видеть «плохое» в собственных родителях одновременно с желанием обрести их любовь, демонстрируя собственную беспомощность и наивность.

В анекдотах про Вовочку тема глупости представлена в двух аспектах: с одной стороны, с помощью образа глупого Вовочки можно открыто говорить о вопросах сексуальности, свободно проявлять вытесненные агрессивные импульсы, с другой стороны, образ умного Вовочки позволяет увидеть невежество, инфантильность и безответственность взрослого человека.

К ПСИХОСЕКСУАЛЬНОМУ ГЕНЕЗУ ГЛУПОСТИ

(1929)

Карл Ландауэр

Предварительные замечания к публикации

Данный текст фактически впервые в психоанализе делает проблему глупости предметом специального исследования. Во многом это связано с тем, что Ландауэр принимал участие в исследованиях социальных установок во Франкфуртском институте социальных исследований. И поэтому тема глупости требовала особой разработки как основа для объяснения феноменов стереотипного поведения.

Впервые опубликовано в: *Landauer, K. Zur psychosexuellen Genese der Dummheit. // Zeitschrift für Sexualwissenschaft und Sexualpolitik. — 1929. — N 16. — S. 12–22, 87–96.*

Перевод с немецкого *М.М. Бочкарёвой.*

I

Психиатр весьма склонен к тому, чтобы объяснять своеобразие своих пациентов врожденными, если не унаследованными, основами, хотя нам еще очень мало известно о том, что, собственно, может быть унаследованным

или только врожденным. Обычно при этом за наследуемые принимают слишком сложные своеобразия, большей частью уже потому, что мы еще находимся в совершенном неведении об их корнях. Так и глупость очень любят считать врожденной.

Но что же такое глупость? Когда я недавно хотел заговорить об этой теме с одним неврологом, он пренебрежительно сказал, что ведь это известно; что это просто чувствуется, врожденное у пациента тупоумие или можно в этом что-то изменить терапевтически. Мне ничего не осталось, как констатировать, что я, к сожалению, слишком глуп для такой «проницательности», и сегодня я тоже едва ли что-то могу, кроме постановки вопросов.

Уже необходимость описать нашу тему ставит нас перед вопросом, причем перед очень сложным. Шелер и прежде всего Клагес знают разум, противостоящий витальной сфере (единству тела и души, говоря словами Принцхорна¹), как нечто, с одной стороны, возникающее из отрицания непосредственности животного переживания (Хэберлин²), само являющееся негативным, с другой стороны, делающее человека человеком, приветствуемое в своей уникальности, то есть нечто, являющееся носителем высочайших ценностей, принадлежащих автономному миру ценностей. Если так, глупец этим разумом не располагает или располагает в меньшей степени.

К сожалению, при таком объяснении без ответа остаются практически все вопросы, кроме одного, который, собственно, и не задавался, что глупый сам владеет чем-то, что большинству людей не свойственно или свойственно

¹ [Ср. *Prinzhorn, H. Leib-Seele-Einheit. Ein Kernproblem der Neuen Psychologie.* — Potsdam: Müller & Kiepenheuer; Zürich: Orell Füssli, 1927.]

² [Пауль Хэберлин (1878–1960) — философ, педагог, психолог, среди прочего развил в противовес релятивистским и антиметафизическим выводам позитивизма собственную метафизику (Базель).]

только в виде намека, но вызывает их уважение. Но так остается неясным, почему почти все дети удивительно смысленные, в то время как далеко не о многих взрослых можно сказать то же самое. При этом, возможно, большую часть ошибочных суждений порождает завышенная оценка со стороны родителей, но последняя не может быть виной так часто, поскольку и далекие от детей люди часто имеют возможность убедиться в тонкости детских наблюдений, умности их выводов и блестящей манере восприятия вещей, а еще более людей. Известен даже период, когда ребенок глупеет, — примерно то время, когда он становится школьником. Потом еще раз наступает блестящая эпоха позднего пубертата и постпубертата. Виноваты ли в этом телесные изменения? Сексуальные процессы ли это, как считает психоанализ, великие сдвиги изменений которых, протекающие в два периода, заставляют обеднеть умственную деятельность? Это совпало бы с мнением Шопенгауэра, что периоды высокого сексуального напряжения являются и периодами разумности. Как сильно на ее спад действует воспитание или даже оно ли в нем виновато, возможно, именно из-за своего воздействия на сексуальность, в частности на психосексуальность? Также совсем нередко наблюдается, что процесс умственного отупения становится явным около 40-го года жизни, он, кажется, проходит параллельно повышению обеспеченности в бытовательском отношении. С другой стороны, многие люди как раз к этому времени созревают, а у философов говорилось даже о высочайшем расцвете в более позднее время. Наконец, при особенных поводах обнаруживается, что глупцы в действительности могут быть рассудительными и еще чаще, что рассудительные не оправдывают ожиданий. Что, до этого в них обманывались? Породил ли аффект кратковременное или иногда длительное изменение? Но тогда аффект может

не только тормозить интеллектуальные процессы, но и содействовать им. Или, может быть, не «умный» является действительной противоположностью «глупому», а «рассудительный»?

Кроме того, мы видим, что отдельные способности, отдельные одаренности в ходе жизни могут сменяться; так, мы обнаруживаем их появление и пропадание во время психоаналитических лечений. Ведь как раз у детей со сложностями в учебе терапия настолько перспективна, что их единственно поэтому следовало бы брать на лечение.

Итак, опыт показывает, что по меньшей мере часть глупости поддается лечению, а это лечение со своей стороны выявляет, что эти случаи представляют собой психогенные реакции на душевные переживания раннего детства. Иногда даже удается обнаружить в них аффективные моменты, даже корни влечений и таким образом получить некоторую возможность заглянуть в движущий механизм процессов мышления. Правда, пока только одного очень сложного процесса.

Иначе экспериментальная психология: она познакомила нас с отдельными сторонами, вероятно, можно даже сказать, отдельными предпосылками мышления и прежде всего глупости. Некоторые изложенные симптомы *органической деменции* известны нам главным образом при повреждении мозга и эндокринных заболеваниях. Но, пожалуй, основывать диагноз на таком способе так же малоубедительно, как и на нашем. И заключать их *juvantibus*¹ тоже кажется довольно ненадежным. Часто одной из причин известных случаев будет органическая основа, только усиленная психогенно. Самое точное указание на органический генез глупости, как мне и сегодня еще кажется, дает телесное, в частности неврологическое об-

¹ [Ex juvantibus (лат.) — исходя из того, что помогает.]

следование. Число таких случаев с совершенствованием техники наверняка окажется велико. Такие явно телесные больные исключаются из нашего рассмотрения.

Что существуют психогенные формы глупости, «псевдодеменции» — это знание не ново. Так, случаи «Ганзера»¹ обычно касаются взрослых людей, прежде обладавших средней рассудительностью; они также глупеют внезапно после тяжелых внешних влияний, например ареста. Но эти люди глупы так, как взрослый обычно только представляет себе ребенка, не каким он является на самом деле². Иначе должно было бы быть при тех психогенных случаях, в которых ребенок с детства уклоняется от свершений мышления. Здесь дано намного более организованное бытие глупым.

II

Возможно, языковое исследование сможет дать нам ориентирующий обзор нашего круга проблем³. Слово *dumm* [нем. глупый] производно от древневерхненемецкого *tumb*, которое, по сути, имеет значение «немой», также «глухой» и означает «притупленный» относительно как органов чувств, так и разума. Аналогично *Tor* [нем. дурак] происходит от *tore* = помешанный, глухой человек, родственно с *dösen* [нем. клевать носом] и *duseln* [нем. дремать]. Итак, эти слова указывают на то, что изобрета-

¹ [Симптом Ганзера: псевдодеменция, тенденциозно истерическое сумеречное состояние, наблюдается у обычных людей или у умственно отсталых прежде всего в стрессовых ситуациях, например в тюрьме; назван в честь Зигберта Ганзера (1853–1931), психиатра из Дрездена, первым его описавшего.]

² Ср. здесь, например, исследования Хана [*Hahn, R. Beiträge zur Psychologie des Vorbeiredens mit Berücksichtigung des kindlichen Verhaltens. I. Falschbenennen von Farben. // Z. Neurol. Psych. — 1920. — Bd. 56. — S. 317–325*] о назывании цветов у ребенка и при синдроме Ганзера.

³ По словарям братьев Гримм, Зандерса и Клюге.

тели языка считали корнем глупости *притушение чувств*. У глупца узкий кругозор, *borné* [фр.] = ограниченный. Похожая этимология у греческого *moros*, тогда как *stupid* [нем. тупой] указывает нам на причину закрытия органов чувств как защиты от внезапного впечатления (*stupeo* [лат.] = замереть от чего-либо, удивиться). На близость с телесными уродствами намекают такие слова, как *blöd* [нем. слабоумный] и *dämlich* [нем. глуповатый], из которых первое первоначально означало «хилый, слабый», тогда как ко второму относится индогерманское *tam* = изнурять; однако оно родственно и с гнездом слов¹ *dämmern* [нем. затемнять]. Аналогичны французское *imbécile* и итальянское *tara*. Особую сторону глупости показывает *albern* [нем. простоватый], на древневерхненемецком *alavari* = добрый, дружелюбный; наряду с этим прилагательное обозначает также «полностью правдивый». Итак, глупец предстает не только любвеобильным, но и безгранично честным. Он отдается без фальши, лишен коварства. Он *einfältig* [нем. простодушный], *simple* [англ. простоватый], то есть противоположность противоречивого, сомневающегося. Он так глуп, что верит всему, это передает французский язык: *il est ainsi bon* или *bon enfant* [фр. он добрый малый], он почти добродушное животное, *bête* [фр. животное] или даже просто гражданин без должностей и званий, что было исходным значением слова *idiot*.

III

Мы начинаем сознать всю сложность нашей проблемы, если следуем за результатами величайших известных нам психологов — писателей. Можно было бы собрать удивительно большое количество материала

¹ [Гнездо слов — группа однокоренных слов.]

как писателей, так и народных сочинителей¹, в которых героем истории является глупец. Глупый герой — это кажется парадоксом. Мы легко смогли бы понять, если бы мы, рассудительные, выливали чашу наших насмешек на тех, кто обладает меньшим разумом, чем мы. Но все не так. Правда, в литературе время от времени встречается простофиля, который, как в шекспировских сценах с олухом, вносит смех в трагику события. Истории о «глупце» выдают нам нечто совершенно особенное: он победитель, он счастливчик, он, по сути, рассудительный человек. В устном народном творчестве мы легко можем увидеть причину: обычно глупец — это какой-нибудь неотесанный *деревенский увалень*, который одерживает победу над горожанами, учеными, даже над королями и попами. Такого рода творчество восходит к крестьянским шванкам² Средневековья, когда крестьянин имел тяжелую долю быть безжалостно эксплуатируемым рыцарями, попами и горожанами. Он, казалось, действительно был глупцом, с которым можно было обращаться как угодно, не церемонясь. В фольклоре же мы обнаруживаем сновидения о желаниях этих *пасынков тогдашнего общества*.

Наряду с глупым крестьянским парнем и глупый юноша вообще, особенно в образе *глупого младшего брата*, через какие-то особые свершения и через свою сначала кажущуюся глупой манеру поведения оказывается самым умным. Так история о глупце часто превращается в вариант истории о неродном ребенке, пасынке. Такие

¹ Я прежде всего придерживаюсь общеизвестных сказок братьев Гримм, а для их вариантов: Bolte und Polivka, Anmerkungen zu den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm, Bd. 3. — Leipzig: Dieterichsche Verl.-Buchh. Theod. Wachner. — S. 13–18.

² [Шванк — жанр короткого сатирического рассказа в немецком фольклоре.]

глупые герои — большей частью мужчины и мальчики; в женском образе неродной ребенок обычно выступает как тихое, невзрачное прилежное создание, вынужденное выполнять черную домашнюю работу и не имеющее главных рекламирующих принадлежностей женского пола: красивых платьев и украшений. У мужского пола, кажется, отсутствуют основные средства привлечения этого пола: умственное превосходство в форме того, что называют живость ума, а также изящные манеры, *вежливость*. И как Золушка, несмотря на свою невзрачность, завоевывает принца, так дурачок — принцессу, в то время как злым братьям остается только смотреть, а иногда даже приходится нести наказание. Как сказано: дурачок является либо *неродным ребенком*, либо по меньшей мере *пасынком природы*. Это установление, находящее свой пандан¹ в том, что глупый крестьянин является социальным пасынком, объясняет, почему эти сочинения встречают такое глубокое понимание у всех людей, в частности у детей, для которых такого рода сказки — любимые истории. Ведь для ребенка эта проблема — быть непризнанным, слабым, беспомощным, глупым, быть неродным ребенком — чрезвычайно актуальна. Большие, в частности старшие братья и сестры, забирают у него все, особенно любовь родителей и доказательства их любви в форме всевозможных подарков, но особенно в форме высочайшего выражения любви, которое знает ребенок, — уделения ему времени. Ведь для ребенка любовь — это уделение времени, время, когда мать принадлежит ему, когда отец дарит себя ему. Ребенок тоскует по этому уделению времени, по этой любви, его потребность в этом ненасытна. Но он снова и снова получает отказ, взрослый слишком мало с ним разговаривает, слишком часто от-

¹ [Пандан — предмет, парный с другим.]

махивается от его вопросов словами: ты слишком глуп, настолько часто, что «глупый» для ребенка становится почти равнозначным «маленькому». Но если бы он был ребенком как прочие, тогда он имел бы право ненавидеть своих родителей. Поэтому он жадно хватается за любую возможность, позволяющую ему почувствовать себя обойденным, чтобы он мог поверить: это не мои родители; этих взрослых, которые только украли меня, чтобы меня использовать, мне можно ненавидеть. И потом в своих мечтах он видит себя большим, рассудительным и даже что родители с нетерпением ждут, чтобы он заговорил с ними, и добиваются этого всеми силами. И у него снова и снова появляется повод мечтать об этом, потому что он знает, что, по сути, он намного рассудительнее, чем думают родители; так легко доходит и до высмеивания этих глупых взрослых, которые не знают, что ребенок видит их насквозь, в частности во всей их лживости, особенно в сексуальной. Все эти рассуждения абсолютно совпадают со взглядами Адлера. Тем не менее мы, следуя путями Фрейда, будем стараться проникнуть в более глубокие слои двигателей, влечений.

Пример из практики: соседи сверху ждут ребенка. Брат и сестра (5–6-летние) уже давно это заметили и часто разговаривают о произошедшей в будущей матери перемене. Однако от их вопросов о взаимосвязях подмеченных деталей мать отделяется сказкой об аисте. Тогда, в день родов, в детской вдребезги разбивается форточка. Прибежавшая мать на вопрос, кто это сделал, получает от мальчика ответ: аист, собиравшийся лететь на третий этаж, сначала по ошибке хотел оставить ребенка у них и при этом проткнул своим клювом форточку. И в самом деле, он оказался прав, преподнеся такую сказку-обман. Обошлось без наказания, потому что мать, не сумев сдерживать смех, спешно покинула комнату.

Итак, действительно легко понять, когда так много людей изображают глупцов, притворяются глупыми: они обычно быстро и в большом объеме получают вторичную выгоду болезни. Их оставляют в покое. *Enfant terrible*¹, который в своей ангельской простоте может творить любые пакости, не только остается безнаказанным, но и становится личностью, которой боятся.

Прежде всего таким образом слабый ребенок может дать волю своим чувствам ненависти. Ведь (ребенок имеет много возможностей узнать это) незнание, глупость — чудесное оружие. А у ребенка и в самом деле есть тысяча причин ненавидеть свое окружение; ведь оно обращается с человеком, который только более слаб физически, как с телесно больным: «Ты не сможешь», — слышит он целый день. И таким образом дурачок тоже часто предстает как телесно больной, хромой, горбатый, безобразный. Возможно, часто за этим в самонаказании идентичного глупцу писателя прячутся злые желания по отношению к другим людям. Тогда бы это значило: писатель как раз через это изображение глупца (который является одним целым с частью его самого) изображает свои чувства неполноценности, посаженные в нем родителями, которые он так и не смог преодолеть из-за чувств вины.

Еще более неприкрыто это проявляется при озлобленности, с которой глупый герой совершает жестокости, часто представляющие как мистические действия зачатия и рождения: лягушку яростно швыряют о стену, и так она превращается в прекрасного принца; старой женщине отрубают голову и этим разбивают чары злой ведьмы — прекрасная дева пробуждается ото сна. Здесь требуют разгрузки мужские побуждения к зачатию и комплексы

¹ [*Enfant terrible (фр.)* — ужасный ребенок; человек, смущающий окружающих своей бестактной непосредственностью.]

тенденций к рождению и возрождению, а также побуждения к разрушению. Они утверждаются в сверхдетерминированном символе, который — поскольку определен бессознательно — кажется нам мистическим; и им можно утверждаться, потому что они оказываются на службе у «хорошего», у доброй феи, матери.

Своей глупостью ребенок защищен и от всевозможных других неприятностей. Ему не надо сидеть и выполнять скучные школьные работы; его отправляют в легкую школу; в то время как рассудительный и предпочитаемый обычно брат сидит над бесконечными заданиями, обойденная девочка может играть со своими куклами. Так, однажды я анализировал 28-летнюю астматичку, которая всегда была «ограниченной» и, в частности, совсем не имела способностей к изучению языков. Случаю было угодно, чтобы ее лучшая подруга вышла замуж в Италию и каждый год приглашала ее погостить несколько недель. Конечно, она едва знала пару слов на итальянском, несмотря на то что в общей сложности бывала в Италии почти каждые полгода и каждый раз перед поездкой брала уроки итальянского. Но на этот раз она не собиралась этого делать. Это ведь не имело смысла. Зачем зря себя мучить. Так она заявила на одном из последних перед ее поездкой часов анализа. Мы раскрыли целые взаимосвязи, все те преимущества, что давала ей ее глупость, а там, где их было недостаточно, — ее болезнь. После путешествия она рассказала мне следующую удивившую ее историю: за Готхардом на поезд села супружеская чета, супруги сначала спросили в купе, есть ли еще места. Поскольку никто не отвечал, она заговорила и так начала беседу с этими людьми. После продолжительного времени она заметила, что больше в разговор никто не вступал, и тут ей внезапно стало ясно, что все это время она говорила по-итальянски. И с тех пор она «вдруг» стала знать итальянский.

Но в некоторых сказках, похоже, отсутствует этот пункт о конечном счастье, которое, кажется, объясняет нам запускание психического механизма глупости. Так, история «Счастливого Ганса» в кратком пересказе была следующей: Ганс долго служит у богатого крестьянина, не получая жалованья¹. Когда он уходит от него, он получает в награду золотой самородок. Значит, он не напрасно рассчитывал на великодушие своего работодателя. Но золотой самородок давил его, он меняет его на лошадь, на осла и т. д. Его имущество все уменьшается, пока под конец у него не остаются только мельничные жернова, которые в конце концов падают в воду. Тогда он оказывается избавлен от своего груза, и он счастлив, как был доволен каждым предыдущим обменом. Это не сказка, не детское сновидение о желании. Это наставление: ребенок, будь доволен тем, что дают тебе родители! Крестьянин, будь счастлив тем, что оставляет тебе твой господин! Это история — так могло бы показаться, — рассказанная с позиции взрослого, правителя. Но сопоставление источников показывает нам, что это справедливо только для пересказанного нам братьями Гримм, потому что в тирольском варианте в конце обмена Гансу все-таки улыбается счастье. Он держит пари с несколькими господами на сто гульденов, что его жена не станет упрекать его за результат обмена, и выигрывает. В датском пересказе идет товарообмен коровы на козу, на петуха, на флейту. Когда он предлагает последнюю к обмену в винном подвале, «господа» спрашивают его, что бы сказала об этом обмене его жена. Он спорит на 400 гульденов, что она не ответит ему ни единым злым словом, и выигрывает,

¹ Здесь следует вспомнить долгий срок службы Якоба, чтобы заслужить свою жену. Глупый Ганс не хочет генитального доказательства любви.

потому что жена довольна каждым обменом. В шванке Ханса Фольца женщина тоже встречает обманутого крестьянина добрыми речами. Эти вариации совершенно отчетливо показывают, в чем здесь вторичная выгода глупца: именно потому, что я глуп, меня любят. Если учесть, что эти истории написаны для детей¹, то их содержание означает: я хочу быть ребенком, тогда меня будут баловать и я смогу делать все, что мне угодно. Если я не взрослый, мне не нужно брать на себя неудовольствие².

Как же следует представлять себе возникновение комплекса симптомов глупости? Конечно, не так, что ребенок в один день говорит себе: так, теперь я глуп. Пожалуй, он часто желает быть таким. Но пока это желание сознательно, он — по меньшей мере субъективно — может еще быть иным. Например, в одном случае 10-летний мальчик был заинтересован в том, чтобы ему не мешали заниматься любимыми занятиями, предъявляя высокие требования к его школьным достижениям. Поэтому в присутствии отца он громко учил латинские вокабулы, но всегда думал: «я не хочу их знать», и, естественно, на опросе он их не знал. Но глупым он из-за этого совсем еще не был и не мог также заставить других в это поверить. Иначе происходит, когда — как выражается Кречмер — существует «диффузная воля». Это выражение, хотя речь идет о детях периода до или во время завершения эдипова комплекса, кажется более подходящим, чем слово «желание», желание к этому времени еще не стало бессознательным в смысле

¹ Сказки ребенку рассказывают в основном служанки, то есть служанцы, социально слабые люди, бабушки, то есть телесно немощные, следовательно, люди, положение которых ощущается для ребенка родственным его собственному!

² В пользу такого толкования говорит и то, что существует множество историй с обратными сюжетами: чересчур умный меняет с каждым разом все более удачно, становится все богаче, чтобы наконец быстро потерять все.

бессознательного вытесненного. В это возникающее бессознательное должно диффундировать¹ желание. Еще корректнее во всяком случае было бы говорить только о тенденциях, и мы можем представить себе процесс оглушения по аналогии с рефлексом из группы рефлексов защиты—бегства (психика, пожалуй, не знает ни чистого бегства, ни голой защиты, а знает только их компромиссы) как особый случай «вытеснения». Именно для него мне кажется особенно наглядным сравнение Гольдштейном вытеснения с *автономией*²: на угрозу реагируют отбрасыванием одной части поверхности тела (чувствующей плоскости) в целях сокращения этой поверхности и тем самым сокращения поверхности воздействия для новых инсультов³.

IV

Глупость большинства наших сказочных дурачков заключается только в том, что они принимают действительность такой, какая она есть, и не спрашивают, отчего это, когда им встречается что-то «необычное». Они не спрашивают духов, почему они, духи, общаются с ними на ты. Они ведут себя как дети, принимающие вещи и людей как данность, а не как мнящие себя умными взрослые, которые всегда расспрашивают, почему, что и к чему. И так у них все складывается хорошо, потому что по отношению к ребенку и взрослый, плохой, тоже становится равным ребенку. Любая вещь единична, уникальна и нова;

¹ [Диффундировать — проникать, вливаться, смешиваться.]

² [Goldstein, K. Die Beziehungen der Psychoanalyse zur Biologie. // Eliasberg, W. (Hrsg.) Bericht über den II allgemeinen ärztlichen Kongreß für Psychotherapie in Bad Nauheim, 27–30 April 1927. — S. 28 {S. 15–52}.]

³ Это выражение, то есть процесс, как будет показано позже, сверхдетерминирован в смысле приятия кастрации.

он изолирует все вещи друг от друга и ничего не хочет знать о «смысле», который дополнительно могут иметь воспринимаемые органами чувств явления. Великий чудак Дон Кихот, фантазер-переросток, видит в скотницах благородных дам, а в ветряных мельницах — рыцарей. Его большой тощей фигуре Сервантес противопоставил увальня Санчо Пансу, круглого крестьянского парня, ожившего неваляшку¹, который в конце концов добивается намного большего, нежели его хозяин. Сегодня, под знаком кречмеровского исследования типов, мы скажем: пикнический тип, принимающий вещи такими, какими они являются, живущий и дающий жить другим, конечно, счастливее твердолобого диспластического типа, которого ничто не радует.

Ведь где бы ни появился глупец, все с ним мило и приветливо: он добр к растениям, животным, даже к неживой природе. И они вознаграждают его за это. Когда он в опасности, птицы и муравьи спешат ему на помощь, а воды расступаются. Глупец — легковое дитя, любовь которого не разочаровывается. За него все небесные силы, в земной обыденной жизни у него есть всемогущая мать — по крайней мере в его сновидениях о желании. Иначе у того, кто из-за разочарования, из-за разочарования в любви родителей отделился от них, расстался с ними. Теперь он взрослый, предоставлен самому себе и в сознании, что всё друг с другом расстанется, друг с другом борется, сам себе тоже повсюду дает установку, что с ним борются, и из-за своей «рассудительности» уже действительно вызывает враждебное отношение.

Тяжелейшим разочарованием в любви, которое терпит человек, которого мало кто не познает, от которого многие не могут оправиться всю жизнь, является разо-

¹ [Неваляшкой называют неунывающего человека.]

чарование в любви родителей, угрожающих его телесной неприкосновенности и тем самым вере в неприкосновенность собственного тела, о всесиили которого, о вечной воскрешимости которого в первозданной красоте фантазируют бесчисленные писатели. Так же и глупец, часто еще и телесно изуродованный человек (он, в частности, нередко снабжен горбом) после победы над всезнайкой, над намного более сильными родителями (или старшими братьями) становится прекраснейшим юным принцем и получает королевскую дочь. Символический язык таких телесных искажений известен нам из тысячи сновидений и многих истерических и параноидных симптомов. Это сверхкомпенсации и смещения одного большого пугающего осквернения тела путем отрезания гениталий по желанию королевы, идеальной матери. Итак, быть глупым может означать быть кастрированным. Следовательно, глупый герой приемлет кастрацию. Даже она, как мы увидели, имеет преимущества, потому что тогда человека все любят как любимого ребенка из-за того, что он кастрирован, из-за того, что он ребенок, из-за того, что он глуп.

Так, у истоков двух¹ в корне различных, казалось бы, симптомов стоят совершенно схожие душевные переживания. В одном случае жажды сомнений² я имел возможность показать, что в корне этой болезни стоит угроза кастрацией, и с тех пор эти данные подтверждались многочисленными случаями. Одна часть личности находилась в роли кастрированного, женщины, тогда как другая часть держалась за мужественность, целость. Со-

¹ Я не рассматриваю третью возможность решения, *pseudologia phantastica* [лат. фантастическая псевдология], однако она просвечивает тут и там в «обманах» у детей, в фантазиях у писателей.

² [Landauer, K. Gedanken bei Analyse einer «Folie du doute». // I. Z. P. — 1925. — Bd. XI. — P. 353–366.]

мнение, в конце концов перенесенное на все и вся, первоначально относилось к собственной персоне и звучало: кто я, мужчина или женщина, целое или кастрированное? Сомнение относилось еще и ко второму моменту, к функционированию органов чувств: могу ли я доверять своим глазам, что есть кастрированные существа (женщины)? Если возможно такое преступление, то и мое тело находится под угрозой. И все, что проходит через органы чувств, все их функционирование ставится под сомнение. Весь воспринимаемый нашими органами чувств мир становится неточным. Из него вынимается любовь. Но вопрос гласит также: являюсь ли я существом, которое может видеть, переживать? И, чтобы убедиться в своей способности переживать, ищут удовольствие в функциях определенных эрогенных зон (главным образом анальной эротики и садизма).

При глупости врата органов чувств в значительной мере закрыты, но они заперты только перед неприятными фактами. В сказке глупец не видит, что стоит перед безобразным чудовищем, вещью, которая, собственно, невозможна, например, человеком, носящим свою голову под мышкой. Он не видит кастрацию, не хочет ее видеть. Да ладно, это просто такое же существо, как я и ты. Я многого не вижу, я много не спрашиваю. Зачем мне бояться? Глупость преодолевает страх, подобно тому, как это делает и ее противоположность: это способность целенаправленно оттягивать либидо с внешнего мира и обращаться к словам, картинам представлений и понятиям, живущим в человеке. Ведь если сделать это, картинами представлений и словами можно включить размышления, играючи убрать из них опасности и так в фракционированной терпимой форме покончить со страхом и снова бесстрашно обратиться к внешнему миру и теперь правильно оценить опасности и избежать их. Но поскольку

глупость и рассудительность происходят из одного корня, поэтому они всегда живут в таком тесном соседстве, что перепутываются не только ветви, но и стволы.

Очень милое доказательство общего генеза глупости и навязчивого мышления дает упомянутый выше случай *folie du doute*¹ и, в частности, то покрывающее воспоминание, прояснение которого тогда особенно продвинуло психоанализ: мальчик делит спальню с любимой им служанкой и видит любовную агрессию к девушке равным образом любимого им дяди. Но он видит только верхние половины тел, собственно же примыкающие друг к другу места — от них взгляд отводится. Однако на место зрения заступает мышление. Его появление такое же, как всегда, и его задача та же, какой мы ее постоянно обнаруживаем, хотя здесь она и спрятана в патологическое: реальность пугает; со спутанным множеством ее раздражителей невозможно справиться, как прежде: нельзя назвать это, нельзя позвать мать. Большая реальность — «мать» разочаровала. Ребенок один; разлученный со всем миром, он оттягивает свою любовь с реальности и теперь в стороне от нее старается навести порядок в образах воспоминаний и их словесных репрезентациях, закрыть пробелы между ними заполнением более старыми образами представлений и соответственно их словесными репрезентациями. Главным образом реальность дополняется «смыслом» и «ценностью». Смысл — это желаемое или пугающее суммирование впечатлений обо «всех» — матери, идеальном отце, боге, а ценность — значит ценность *sub specie aeternitatis*², любовь безгранично живущего отца, которую он — как мы желаем и боимся — дает вещам. Вооружившись этим, мы пытаемся сверх доставляющего

¹ [*Folie du doute* (*фп.*) — безумие сомнения.]

² [*Sub specie aeternitatis* (*лат.*) — с точки зрения вечности.]

неудовольствие актуального переживания приспособиться к реальности в целом и тем самым как раз справиться с этим актуальным переживанием. Иначе ведет себя навязчиво мудрствующий человек, навязчиво избегающий всего воспринимаемого чувствами, всего, что может его тронуть, ради жизни в царстве словесных образов своей расщепленности и ради возможности, как далекий бог, отец, менять реальность магическими жестами посредством словесных образов. Иначе поступает и глупец: его не заботят смысл, ценность, значение и какими еще словами можно это назвать. Он справляется с действительностью как раз благодаря своей глупости, своему неведению, вызывая ее сочувствие, ее любовь. Маленький ребенок хочет быть тронутым всеблаготворительной матерью. Это удастся, но удастся несовершенно. Это лучше удастся мыслящему. Его разум больше способен оценивать. Но это объяснимо не единственно из практического значения рассудка. Оно, должно быть, обосновано еще глубже; на это обращает наше внимание прежде всего амбивалентность, которой наделяется разум.

V

Выше мы принимали в соображение только одну сторону того, почему глупец не спрашивает: он обращен к действительности, не видит и не хочет видеть, что находится за вещами. Но он любит действительность, и так получается, что и он иногда задает очень много вопросов, больше, чем смогли бы ответить десять мудрецов. Но что за вопросы он ставит, на которые не могут ответить даже мудрецы? Действительно ли мудрецы не знают ответа, потому что не видят эти вещи или просто не хотят говорить, потому что считают досадным, что потом глупец, прежде управляемый ребенком, восстанет против авто-

ритета родителей, а покоренный против господ? Часто кажется, что глупец как раз и является не кем иным, как управляемым человеком, маленьким ребенком, от которого следует утаивать права взрослых, особенно половое задействие. Так появляется в качестве полностью выдуманного сочинения, то есть фантазии о желании правящего класса — в Средневековье как придворное сочинение, в не столь давнем времени как произведение позднего романтика, который был другом короля и чрезмерно самовлюбленным человеком, — образ «чистого дурака»: Парцифаль¹. Здесь совершенно неприкрыто показывается, что отличием дурака является как раз его половая чистота. До него не доходит чувственное удовольствие, поэтому он может быть инструментом в руках могущественных людей, заместителей идеализированных отцов и матерей. Он совершенно подчинен воле женской морали, матери, воспитавшей его в стороне от двора в идеальной ситуации единоличного владения друг другом. При этом рано проявляются его насильственные наклонности (убийство птиц), прорывающиеся снова и снова. Тут у него на пути появляется рыцарь, который кажется ему, чистому дураку, богом и тем самым заставляет пережить собственное несовершенство². Чтобы компенсировать его, он хочет выйти в мир, оставить мать. Последняя сначала пытается выставить его смешным, чтобы он, высмеянный миром, вернулся к ней. Но напрасно, его тянет задействовать себя. Получив

¹ [Парцифаль — герой куртуазного эпоса, сюжет о нем был очень популярен у многих народов в различные периоды истории. Автором немецкого варианта является Вольфрам фон Эшенбах. Его поэма послужила основой для музыкальной драмы Рихарда Вагнера «Парсифаль».]

² Ср. с этим травматическое переживание вида эрегированного пениса (отца или имаго отца) во многих анализах неврозов (прикрыто, например, в сообщенном покрывающем воспоминании при folie du doute).

знание, он не выполняет заповедь матери, требующую: будь, как я, женщиной; и тем самым он уничтожает ее, она умирает от горя из-за его ухода. Мать любила его как мужчину — по крайней мере он желал, чтобы было так, — но ей можно было любить его только как ребенка, кастрированного. Теперь она мертва; именно поэтому он, любя, продолжает принадлежать матери: он избегает женщины как сексуального объекта. Но и ненавидя он по-прежнему предан ей: он разрушает жизнь любящих его женщин. О причинах этой ненависти мы догадываемся в сцене, где он замирает, увидев три капли крови на снегу (отвращение перед кастрированной и перед дефлорацией). В его дурачестве, позволяющем ему так много злого, он ребенок (говоря придворным языком: крестьянин), задающий бесконечно много вопросов. При дворе он учится, что молчание и покорность приказам являются долгом ребенка перед отцом и подданного перед господином. И так в своих скитаниях он приходит в замок святого Грааля, видит там всяческие бедствия (кровоточащая рана, следствие сексуального впадения в грех) и таинственное чудесное (кровь Христа; насильственность протыкания Иисуса становится милостью!) и молчит. Только облагородившись в новых скитаниях, он задает сочувствующий вопрос и так становится королем, который управляет всем со знанием. У Вагнера он тоже становится знающим через сострадание, как гласит текст. Однако действие показывает нам, что знающим он становится через поцелуй знающей, жаждущей его женщины, значит, через отречение от генитально половой любви.

Эта легенда яснее многих слов раскрывает нам, в чем тут дело с дуростью: *дурость означает невежество в сексуальном отношении, она является желанием родителей относительно их детей.* И опыт нашего

материала, полученного на больных, показывает нам, что большая часть человеческой глупости — как учит нас Фрейд — осуществляется благодаря тому, что дети, для того чтобы угодить родителям, стараются больше не спрашивать, откуда они появились, каким образом в их появлении участвовал отец, как различаются между собой оба пола, и все эти тысячи вопросов, которыми дети докучают родителям. И поскольку дети видят это, они учатся молчать. Но они видят или должны бы, собственно, видеть еще больше: что их родители лгут им не только в понимании взрослого, то есть говорят не то, что думают, а прежде всего и в том понимании, в каком слово «ложь» используется ребенком: что взрослые поступают не так, как говорят. Но ребенок не может сказать своим родителям: ты лжешь. Он даже не хочет думать и видеть, что родители лгут, то есть делают то, что сами постоянно характеризуют как «плохое». Ведь быть плохим значило бы быть нелюбимым. А ребенок хочет любить своих родителей, не только из нужды, но и из тысяч томлений. И так ребенок, чтобы верить родителям, закрывает глаза на действительность. Он не может видеть больше, чем входит в образ идеальных родителей. Быть глупым и несведущим означает также быть неспособным получать знания о том, что родители не непогрешимы. Это было с пациенткой, из воспоминания которой я привел выше насмешку брата над матерью. Она более двадцати лет ничего не знала ни о каких сексуальных процессах. Ее единственным воспоминанием, которое она смогла вынести о своем сексуальном знании из более раннего времени, было только сказанное матерью, что мальчики отличаются от девочек острыми локтями. Таким образом, мать никогда не лгала, а всегда говорила правду — по меньшей мере символически. Пробелы заполнились только в ходе длительного анализа. При этом сильным

мотивом для вытеснения ее более раннего сексуального знания оказалось то, что она не хотела, чтобы то, что родители лживы и сексуальны, было правдой.

Нам известен тип, который из-за слепой преданности родителям очень для них приятен и характеризуется ими почти как *образцовый ребенок*, несчастные существа с юными телами, но со старчески сдержанными выражениями лиц. Они всегда «послушны», то есть не мешают родителям и даже доставляют им радость гордо щеголять похвалами точно так же довольных учителей. Образцовый ребенок относительно легко может получать знания, в частности в языковой и понятийной области, ведь он не «рассеян», потому что слеп по отношению к окружающему миру и аффектам. Он также может — что особенно импонирует — лучше воспроизводить полученные знания, чем душевно живой ребенок, которому часто мешает его страстное отношение. Но как только образцовый ребенок должен приступить к самостоятельной деятельности, он чрезвычайно часто не оправдывает ожиданий. Не испытывая любви к тому, что воспринимается органами чувств, он ничего не воспринимает самостоятельно, а значит, не способен и приспособливаться. Этим объясняется то, что так часто нам встречается большая одаренность в отвлеченных предметах, например в вычислениях, математике и иностранных языках у людей, которые в жизни глупы. В литературе всегда упоминается, что люди-счетчики¹ или подобные умственные феномены часто умственно дебилы. Тем не менее речь идет не о заложенной с рождения особенно высокой односторонней одаренности при врожденном слабоумии, а об особой форме невроза

¹ [Счетчик — здесь: лицо, обладающее сверхнормальными способностями к устному счету.]

навязчивости, существовавшей с самой ранней юности (обычно с 4–5-го года жизни) и, казалось бы, делавшей невозможным получение знаний, тогда как, с другой стороны, взращивались определенные способности навязчиво (болезнь с чувством особенно высокой ценности симптома). Если анализировать такие случаи глупости, то порой удается в течение, правда, долгого, но все же, в сравнении с вдруг полученными знаниями, краткого срока в 2–3 года добиться дозревания, предоставляющего в распоряжение больных латентные знания за прошедшие 20 и более лет. (Особенные способности анализом не уничтожаются. Они сохраняются как своеобразие, доставляющие очень много удовольствия и потому, что соответствуют реальности, хотя возникли и устроены как симптомы болезни.)

Глупость — (нужно еще раз особо это выделить) это прежде всего тоже форма прекращения ненависти, в частности той, что происходит из эдипова комплекса. То, что последний одновременно запирает вентиль ненависти, уже было показано выше и становится ясным именно в легенде о *Парцифале*.

В этом отношении жажда сомнений питается из тех же самых источников, что и глупость; едва ли какой-нибудь невроз заставляет больного так нуждаться в помощи в практической жизни, превращает человека в такого вампира для окружения, особенно для родителей, как сомнение. Но это только самый поверхностный слой. При более глубоком рассмотрении сомнение оказывается направлено на собственную персону, боящуюся, что у нее похитили органы чувств (первично пенис). А той инстанцией в больном, которая снова и снова принуждает его сомневаться, бояться, являются любимые, ненавидимые родители, с которыми идентифицировала себя часть Я («Сверх-Я»).

Но мало того: когда ребенок сомневается, предполагая — чего он не «должен» — за вещами и словами более глубокий тайный смысл, он следует за своими родителями, лукавыми, противоречивыми, лживыми в сексуальных вещах. Та часть человека, что сомневается, — такая же плохая, ложная, как плохие родители, негативный родительский идеал, наущение чертом, как говорит католическая церковь; та часть, что не сомневается, как родители, оставшиеся «хорошими», — самое высокое, благородное в человеке, отец и мать, идеал Я, божественный. Поэтому неудивительно, что во все времена разум противостоит телу как неземной, верующий, но все же мыслящий, отрицающий принцип.

Потому блаженны простаки, ведь им остается царство небесное родительской любви.

К сожалению, здесь приходится признать, что ранее данным объяснением сложность легенды о Парцифале и проблемы глупости далеко не исчерпаны. Напротив, легенда¹ уже является реакцией на прежнее решение: мужчина Парцифаль убивает отца и спасает мать. Вместо этого происходит обратное. Женщина тоже явно является искусительницей, а не преследуемой, как раньше. В ее персоне персонифицируется грех; Клингзор, волшебник, уже признан как злая мощь (кастрирован)! На помощь приходит уже не добрая женщина-мать, например фея, а верный слуга-отец. Если мы посмотрим на современные эпосу миниатюры, женственные прически мужчин, мальчишеские фигуры женщин, мы поймем, что и за героическим рыцарством этой эпохи женщина осуществляет не только негласное господство. В том же направлении указывает и — как мне кажется — существенная вставка

¹ Я обязан этим сообщению д-ра [Пауля] Федерна, которого, пользуясь случаем, хочу также поблагодарить за его многочисленные указания.

Вагнера в произведение Вольфрама: трагедия Кундри, женщины, которая, находясь во власти жуткого мужчины, становится проституткой¹.

В проанализированных мною случаях глупости тоже, мне кажется, существенную роль играла гомосексуальность, причем создавалось впечатление, что эдипов комплекс получил особую окраску из-за большой различности родителей (часто в умственном отношении). Однополая связь обычно выступала неприкрыто: с наивной нежностью был любим товарищ по копыю, что потом обычно значительно увеличивало терапевтические возможности.

VI

Возможно, было бы хорошо дополнить здесь уже сказанное о психосексуальности глупца.

Врата органов чувств глупца закрыты от всех впечатлений, какие могут помешать ему в его безобидно детском чувственном удовольствии, в особенности поскольку они могут ввести его в конфликт с его окружением, то есть его родителями и ухаживающими персонами. Объектами любви в прямом смысле являются органы чувств, эрогенные зоны. Глупец остался на ступени аутоэротики или деградировал на нее. Причем теперь мы можем определять и все эрогенные зоны как объекты любви, и каждую

¹ Аналогично в музыкальных драмах Вагнера рядом с героями мужского пола из старой легенды ставится почти столь же значимая женщина (так, Елизавета в «Тангейзере», Сента в «Голландце», Валькирия в «Нибелунгах»). Практически только «Мейстерзингеры» являются пьесой с мужским центром. Для понимания этих глубоких взаимосвязей, пожалуй, потребовалось бы очень глубокое исследование периода миннезанга, как и Р. Вагнера, которое превзошло бы рамки данной статьи, но еще более мои познания.

их функцию как цель удовольствия. Правда, при этом некоторые выделяются особенно: прежде всего зона рта. Именно среди глупцов мы обнаруживаем большое количество людей, для которых еда и питье значат чрезвычайно много, даже прямо составляют содержание их жизни. В частности, большую роль могут играть сладости, курение и жевание. Кроме того, нередко встречается тип, получающий большую радость от своей мышечной силы. Это, с одной стороны, объясняет, почему этих людей так хорошо использовать для физического задействования, особенно в спорте они играют сегодня большую роль. Ведь таким образом они очень легко приходят к нарциссическому наслаждению, которое имеет тем больший вес, что позволяет им восторжествовать над обычно превосходящими их разумными людьми. Этому типу сильных мускулами и любителей движения противостоит другой, правда, смешанный с ним тип, находящий главное удовольствие в расслаблении мускулатуры, особенно в самой сильной его степени: во сне. О многих представителях этого типа можно сказать, что их жизнь вращается вокруг еды и сна. Чтобы достичь сна и насладиться своей оральной эротикой, наконец чтобы добиться общей эйфории со всеми нарциссическими компонентами, эти люди легко начинают предаваться алкоголю. Именно среди глупцов мы обнаруживаем большое количество алкоголиков. Среди них особенно распространено потребление шнапса и пива, меньше — вина¹ и прочих наркотических ядов. Ведь шнапс обычно пьется в кабаках, где можно бранить с собутыльниками общих угнетателей, а пиво — за громоздким пивным столом, где просижива-

¹ В странах, где потребление вина играет изрядную роль, оказывается, что и виноградный сок, и молодое вино имеют особенное, привлекающее глупцов, значение.

ют вместе с такими же тупоумными обывателями, чтобы лучше все знать. Итак, именно эти два яда и манера, как они принимаются, дают достаточно возможностей для отреагирования враждебных чувств по отношению к могущественным родителям или старшим братьям, но также и для более или менее явного задеирования гомосексуальных порывов. Особенно часто их можно обнаружить у любителей пива, у которых интенсивное потребление жидкости вызывает частое мочеиспускание, которое потом обычно осуществляется совместно и приводит к удовлетворению гомосексуального удовольствия от созерцания и демонстрации (противоположна частая психогенная неспособность помочиться в присутствии других людей).

Анальная эротика у глупцов тоже довольно часто ярко выражена в неприкрытом внешнем действии, а также в более сложных формах анального характера, каким он был образцово показан нам Фрейдом и Абрахамом. Часто без какого-либо вытеснения нам встречается сильная наклонность к жестокости. Особенно часто по отношению к еще более маленьким: ребенку и животному. Правда, именно по отношению к этим объектам она особенно сильно сверхкомпенсируется в почти трогательной сострадательной материнской заботливости: ведь это страдание может предоставить пасынку природы возможность нарциссического удовольствия возмнить себя большим, побыть образцовым родителем.

Однако ярко выраженной эрогенной зоной являются гениталии; тем не менее речь не идет о достижении полностью сформированной генитальной ступени развития, на которой для обретения удовольствия необходима общность с объектом любви, а другие зоны удовольствия служат предваряющему удовольствию. Главным образом остаются при онанизме, будь то самоудовлетворение

в более узком смысле или посредством персоны того же или другого пола. Преобладанию аутоэротизма соответствует большое число перверсий, которые мы обнаруживаем у глупцов в ярко выраженном виде. Но они редко дают повод для врачебного наблюдения, в крайнем случае на пути в судебный зал. Глупцу все кажется большим, чем безобидная самоочевидность без чувства вины. Правда, большая часть перверсий вытеснена и потом выступает в своем негативе, обычно в форме более мелких истерических симптомов.

Особенную роль при этом играет удовольствие созерцания, в частности сексуальное любопытство. Мы уже ознакомились с его выдающимся значением: оно может быть поводом для глупости, когда как раз от него отказываются и этим отказываются от любого исследования реальности. С другой стороны, именно глупость позволяет без торможений уступать этому любопытству.

Фрейд показал нам, что сексуальное любопытство является главной чертой того периода развития, который он называет фаллическим и установка которого на гениталии как раз соответствует той, что мы описали как установку глупца. К фаллической эпохе Фрейд относит и описанную нами как причину глупости гибель эдипова комплекса от угрозы кастрацией. Выбор объекта тоже с ней созвучен: насколько объекты любви вообще принимаются в соображение, они того типа, который Фрейд описал как тип по примыканию: глупец, так сказать, льнет к отцу и матери. Мы уже ссылались на особую форму нарциссического объектного выбора: круг персон, перед которыми глупец может быть героем. И он герой, когда он правильно действует, который умен, несмотря на свою «необдуманность», даже в силу своей детскости. Он мальчик-с-пальчик из сказки, простой как ребенок и умный как змея. Однако умный малыш — на что ука-

зывает уже Риклин¹ — является символом фаллоса, «безмозглого пениса», который, ничему не обучаясь, все знает и умеет, глупый герой. И как в сказке, так и в действительности глупость тогда была бы состоянием экзистенции, совсем как пенис.

Благодаря исследованиям Фрейда нам известно, что части тела, пораженные конверсионно-истерическими симптомами, для бессознательного больных изображают гениталии. В психогенной глупости имеет место аналогичный процесс: весь индивид является половым органом. Поэтому мы вправе рассматривать глупость как истерическое разрешение названного конфликта, для которого жажда сомнений является неврозом навязчивости, в частности, избегают кастрации, одновременно акцентируя ее: поскольку глупец сам — фаллос, он в нем не нуждается.

В очень многих случаях мы находим еще другие истерические механизмы, соответствующие регрессии или застреванию на фаллической сексуальной ступени. В тех случаях, где сильнее смещение с жаждой сомнений, отчетливее проступают анально-садистические черты и симптомы навязчивости. Наряду с этим обычно существуют невытесненные орально-мышечные парциальные влечения.

VII

Получающийся образ глупости достаточно противоречив: любя, преданный собственным органам чувств — ослепленный по отношению к внешнему миру — любя, обращенный к нему; испуг перед кастрацией — приятие

¹ [Ср. *Riklin, F.* Wunscherfüllung und Symbolik im Märchen. — Wien, Leipzig: Heller, 1908.]

ее в симптоме похищения органа чувств; наивное увлечение аутоэротикой — закрытый перед сексуальностью; исполненный любовью — охваченный ненавистью; преданный воспринимаемому органами чувств — великий в отдельных чисто языковых, отвлеченных свершениях; по-детски не способный заглянуть за вещи и намерения людей — имеющий здравый человеческий рассудок и большую способность завоевывать симпатии людей и т. д., сплошные противоположности! Может ли так выглядеть «простота»?

Но как раз отсутствие единства, кстати, давно известное именно в отношении односторонних одаренностей, укажет даже имеющему только отдаленное понятие о психических заболеваниях на то, что очень многие случаи глупости психогенны, а не обусловлены неполноценной предрасположенностью мозга. Ведь суть любой психогенной реакции — то, что она является неудавшейся попыткой возмещения (излечения) конфликта. Мы, собственно, даже должны требовать такого беспорядочного образа, когда должно быть представлено доказательство, что случай глупости является психогенной реакцией. Если перебрать так случаи глупости, в которых нет никакого органического недостатка, обнаружится, что мое утверждение, которое я однажды делал ранее, справедливо: глупость является, пожалуй, самым частым неврозом.

Правда, в одном пункте я должен себя поправить: совсем не всегда конфликт разыгрывается в характерной для неврозов манере, когда, в частности, влечения вытесняются и пробиваются из вытеснения в неконтролируемой для сознательной личности и очевидной форме как симптомы, то есть Я, согласно номенклатуре Фрейда, преодолевает Оно. Напротив, мы увидели, что при глупости Сверх-Я, репрезентация родителей в личности, Я в значительной

степени отрывает человека от действительности: что таким образом налицо *психоз* (истерический психоз, как это всегда было известно о синдроме Ганзера).

А раз так, то во всех случаях следует скептически отнестись к возможностям терапии. Хотя добиться определенного умеренно теплого или также грубо чувственного, то есть скрыто враждебного переноса пациента на аналитика очень легко. Но тяжело направить на аналитика и тем самым на внешний мир аффекты в их полном объеме. Необходимая для терапевта сдержанность, терпя неудачу, совершенно непереносимую для пациента, тоже легко отпугивает его обратно в его упрямое и язвительное неприятие. Соответственно обоим этим великим стражам глупости мы должны пробиться в своей работе через большую стену сопротивлений, связанных с миром анально-садистических и каннибальных влечений. Если все-таки проявлять необходимое терпение, то есть с любовью уделять время, то снова и снова удастся содействовать тому или иному случаю глупости постоянно заново поражающим терапевта образом.

Следует также прояснить высказывание Шиллера «С глупостью напрасно борются даже боги», правда, мы понимаем его немного в ином смысле, чем оно обычно используется: *именно боги напрасно борются против глупости*, тот, кто подходит к глупцу со всей надменностью гонящегося за авторитетом школьного учителя, кто приказывает и судит, тот никогда ничего не достигнет. Мы раскрыли, какую роковую роль играет угроза кастрации в период незадолго до шестого года жизни. Тот, кто настаивает на своей власти, усилит страх перед ней, снова и снова будет отпугивать глупца от внешнего мира. Только вечно неизменная любовь может побудить его отважиться выйти в мир. А любви глупец, скорее всего, ожидает от подобных ему, от того, кто совершил те же «позорные

поступки», что и он. Понимание же любой новой глупости и толкование ее является признанием терапевта в пособничестве грешнику.

Но как же быть терапевту? Если человеку действительно предназначено быть глупым всею личностью, то он не имеет ни чувства болезни, ни желания выздороветь. Наоборот: глупость предлагает так много, что рассудительный человек часто проклинает свое бытие кассандры. И если глупость столь велика, что дурак, любя, может отдаться своему миру чувств, то и счастье из него лучится во внешний мир, а из мира вновь к нему возвращается. А у тех, кому свои вожделения приходится умирять, глупый ребенок, слепо доверяющееся, послушное стадное животное, вызывает симпатию.

Правда, именно когда мы принимаем в соображение частые неудачи «образцового ребенка» и «подхалима» при необходимости самостоятельных действий, мы понимаем, почему не в интересах общности лелеять глупость, особенно при том, что глупец благодаря своим насильственным наклонностям и внушаемости годится в иконоборцы. И даже отдельному глупцу часто приходится страдать из-за своей глупости, когда она стала навязчивой, то есть когда глупец не может не быть глупым, когда мотивы его глупости, силы влечений, которые ее питают, стали бессознательными и поэтому неконтролируемыми.

Но и необходимость думать может стать бичом; навязчивое мышление, жажда мудрствования — мучительные болезни. Показательным примером этого является Альфред Зейдель, заглавие произведения которого «Сознание как злой рок» (1927) — блестящее определение для болезни, закончившейся самоубийством.

Целью любого психоаналитического лечения является разрешение мучительного чувства навязчивости, также

и вынужденной слепоты, невозможности ничего воспринимать. Кроме детей, часто мы достигаем этого и со взрослыми, обычно такими, что обращаются к нам из-за других терзающих их симптомов. Они начинают видеть, как они себя ослепляли и сковывали, только чтобы не лишиться любви, и они учатся быть мудрыми: сомневаться в непогрешимости и совершенстве личности, особенно своей сознательной и, в частности, своего Сверх-Я, и, с другой стороны, одобрять удовольствие от своих органов чувств и опосредуемого через них внешнего мира, особенно удовольствие, прямо и непрямо вытекающее из сомнений, мышления¹.

Однако *therapia magna*² при глупости как всегда должна была бы действовать профилактически. При большом значении, придаваемом в становлении глупости, задержки сексуального исследования в широком смысле, ей следовало бы препятствовать форсированием просвещения. Правда, этим можно нанести такой же вред, как и ее отрицанием. Лучшими примерами этому являются те ученые евреи из гетто, которые уже в 4–5 лет чисто «по существу» «учатся» всему из святых писаний, но у которых подавлено любое детское игровое задействование и вся моторика отклонена в область языкового и мыслительного движения; так могут появиться исполненные страдания мудрствователи или «одеревенелые» люди. Но мне кажется вполне возможным убрать с пути ребенка многие ненужные сложности и просто с восхищением смотреть, как разворачивается такая жизнь.

¹ Возможно, такой была бы формулировка терапевтической цели сегодня, если исходить из главным образом сенсорного нарушения глупости.

² [*Therapia magna* (лат.) — великая терапия.]

ИНТЕЛЛЕКТ И ГЛУПОСТЬ

(1939)

Карл Ландауэр

Предварительные замечания к публикации

Настоящая статья была опубликована в словаре по психоанализу, подготовленном П. Федерном и Х. Менгом. Она развивает идеи, предложенные в основной работе К. Ландауэра по этой теме — «К психосексуальному генезу глупости».

Впервые опубликовано в: *Landauer, K. Intelligenz und Dummheit. // Federn, P. und Meng, H. Das Psychoanalytische Volksbuch. — 3. umgearb. Aufl. — Bern: Huber; 4. Aufl. Bern: Huber, o. J. — S. 160–174.*

Перевод с немецкого *М.М. Бочкарёвой.*

Родители следят за умственным развитием своих детей с тем же вниманием, что и за телесным развитием. Но практически различать между телесным и умственным так хорошо, как в более поздние годы жизни, в раннее время невозможно. Здоровый ребенок уже в возрасте нескольких недель очень точно прослеживает процессы в окружающем его мире. Он не сводит глаз с вещей, однаж-

ды притянувших к себе его взгляд, и родители с радостью констатируют: ребенок видит и фиксирует, он слышит и прислушивается. То, что существо вовлечено в окружающий мир и одновременно чувствует себя относительно его, то есть осознает его, привязано к нормальному течению жизненных функций и ненарушенности органов чувств. Ведь больной ребенок не принимает участия в окружающем его мире. Кажется, он либо не замечает его, либо едва замечает. В частности, дети с сильными нарушениями обмена веществ и особенно с ненормально работающими железами внутренней секреции не только телесно, но и умственно часто так неповоротливы, что мир ускользает от них и они умственно не развиваются.

Такого рода неповоротливости или неподвижности противопоставляется то, что у школьников и взрослых обозначается как *лень*. Это социальная оценка, и совершенно различные психологические причины могут приводить к такому общественному поведению, при котором умственная, часто также и телесная жизнь сильно ограничена. Обычно речь идет о депрессивном или упрямом настроении или о (обсужденных в «Нарушениях сознания»¹) торможениях, болезненном избегании определенных деятельностей по бессознательным мотивам, но не — как считают ущемленный ребенок или рассерженный воспитатель — об удовольствии от «ничегонеделания» или от бесполезности. Кажущаяся пустота, часто бывающая в таких случаях, происходит оттого, что человек, скажем так, занят тем, что придерживает двери своего сознания, чтобы туда не проникли страхи и бессознательные (поскольку непозволительные) фан-

¹ [Landauer, K. Die Bewußtseinsstörungen (1939). // Federn, P., Meng, H. Das Psychoanalytische Volksbuch. — 3. umgearb. Aufl. — Bern: Huber; 4. Aufl. Bern: Huber, o. J. — S. 430–445. Речь идет о другом вкладе в «Народную книгу психоанализа».]

тазии. Здоровый человек никогда не бездействует, ведь жизнь — это движение.

Дети с нарушениями органов чувств могут быть бодрыми и бойкими, но и их развитие скоро начинает отставать в умственном отношении. При глубже лежащих повреждениях, правда, глаз и зрительный нерв, ухо и слуховой нерв устроены так, как у нормального ребенка; но мозг в тех частях, которые перерабатывают зрение и слух — в, так сказать, телефонном коммутаторе и переключательном пункте, — показывает отклонения различного рода с различными воздействиями; общим для всех повреждений является то, что они замедляют умственное развитие, если не делают его невозможным. Хотя, к счастью, эти нарушения относительно редки, все же у большинства матерей как опасность стоит перед глазами образ таких отсталых людей-животных, таких «идиотов», и они с бесконечным счастьем приветствуют каждое новое выражение умственного события или боязливо сравнивают своего ребенка с детьми того же возраста. Правда, не нужно приходить в замешательство из-за уже умеющего все возможное ребенка-вундеркинда у знакомых. Почти все матери лгут касательно развития детей, почти так, как это делают мужчины о своих финансовых обстоятельствах и сексуальных достижениях.

Умственная жизнь складывается из очень большого числа различных функций, которые развиваются в разное время и могут быть нарушены поодиночке. *Это объясняет, почему существуют различные виды рассудительности и глупости.*

Чтобы в человеке возникла умственная жизнь, окружающий мир должен быть им замечен. Не только свет должен проникать в глаза, но и должен фиксироваться светящийся объект и тем самым в глазах должен удерживаться его образ. Его удерживает *внимание*. Внимание либо захваты-

вадается чем-то внешним, либо оно ищет внутри. Какой-либо предмет может попасть нам на глаза, может приковать нас и не отпускать. Мы говорим о кричащих красках, о навязчивых запахах. Но, с другой стороны, мы можем носить в себе образ предмета, например человека, с которым мы договорились встретиться; тогда мы замечаем его уже издалека. Оба вида функций внимания могут быть нарушены. Первая нарушена при определенных телесных заболеваниях и особенно в бессознательности. Вторая развивается у ребенка очень постепенно, и лишь немногие люди достигают в этой функции больших успехов. Важно также, что внимание ребенка по сравнению с вниманием взрослого обычно чрезвычайно живо и поэтому малоустойчиво. Ребенок намного легче отвлекается («рассеян») и весьма медленно учится «концентрировать» свое внимание. В наших широтах собственнотолько около шестого года можно говорить об этой способности. Только с ней ребенок становится обучаемым. Еще долго внимание быстро иссякает. Его отсутствие приводит к обрушению шквала мешающих, даже терзающих раздражителей. Тогда ребенок становится непоседливым. (Существуют еще другие причины непоседливости.) Для понимания *неврастении*, раздражимой слабости нервов, важна легкая утомляемость внимания с ее последствием — перенапряжением раздражителями. Обычно речь идет о людях, которые бессознательно отворачиваются от внешнего мира из-за нераспознанной ими самими скорби или сходного душевного состояния.

Внимание имеет также притупляющую и благодаря этому защищающую задачу. Если она не выполняется, то это сильно вредит всему умственному развитию. Ребенок жаждет нового. Испытывая голод по раздражителям, он находится во власти внешнего мира и внимательно занимается собственным телом и всеми телесными процессами. Из переживания постоянно вытекают ненависть

и любовь. Внимание является одновременно любящим слиянием с предметом и неприемлющим, даже ненавидящим отречением от всего мешающего.

Как сильно созерцающий един с созерцаемым, слушающий со слушаемым, доказывает повторение ребенком всего как эхо: ребенок отражает то, что видит, воспроизводит то, что слышит. Смеющийся вынуждает его смеяться. Если он слышит или видит, что кто-то плачет, он тоже вынужден плакать. Аффекты окружающего мира заражают его. Ребенок передает окружающий мир во всех тонкостях — как зеркало, как граммофонная пластинка. Это человеческое своеобразие — правда, его часто называют подражательством — неоценимо для включения человека в окружающий его мир и для его умственного развития. На этом основываются языковое развитие, «понимание», «сочувствие». Однако повторение всего как эхо часто становится мукой для окружения и поэтому сдерживается воспитанием и постепенно ослабевает; ребенок в своей «жизни по примеру», а также в своем внимании все более и более отделяется от существующего в данный момент окружающего мира и больше живет в своих воспоминаниях, своих желаниях и фантазиях. Его внимание приковывает в положительном смысле ранее испытанное удовольствие, а в отрицательном смысле — ранее претерпленное страдание.

Поскольку внимание является либо любящим, либо боящимся обращением к чему-либо, то его очень легко нарушить любовью или ненавистью, но прежде всего аффектами, как доказывают уже произвольные ошибочные действия. В главах о психических заболеваниях¹

¹ [Landauer, K. Die Gemütskrankungen (1939). // Federn, P., Meng, H. Das Psychoanalytische Volksbuch. — 3. umgearb. Aufl. — Bern: Huber; 4. Aufl. Bern: Huber, o. J. — S. 488–506. Anm. 1.]

мы показали, что даже кажущееся слабоумие наступает как следствие сильных, особенно болезненных аффектов. «Объективны», то есть как вещь, инструмент, мы только там, где мы не участвуем, где никакие желания и опасения не сужают наше зрение и не искажают наши восприятия. Ведь то, что мы *воспринимаем* (букв.: принимаем как истину¹), бесконечно часто является не тем, что оно *есть*. Скверны не эти многие заблуждения сами по себе, а то, что прежде всего бессознательные и поэтому неконтролируемые желания и опасения формируют окружающий мир, в котором мы воображаем, что находимся. Так мы часто живем в бреде. При этом то, что одному сова, другому кажется соловьем. Можно было бы избежать многих ненужных страданий, если бы люди осознавали больше своих желаний и познали бы действительный окружающий мир, а не видели бы только подтверждение своих идей «идеологиями», образующими кажущуюся разумной надстройку над бессознательными желаниями и опасениями.

Если ребенок что-то увидел или услышал, он должен правильно это запомнить. *Способность к запоминанию* тоже развивается очень постепенно. Пройдут годы, пока ребенок сможет запомнить несколько задач, одновременно перед ним поставленных. Например, он идет, чтобы что-то принести. Но по дороге его захватывает какое-либо новое чувственное впечатление, он «отвлекается» и забывает намерение, с которым шел. У взрослого способность к запоминанию особенно страдает под воздействием ядов. Совершенно особую роль здесь играет алкоголь, причем даже в совсем малых количествах. Заболевания мозга очень часто выдают себя нарушениями способности к за-

¹ [Немецкое *wahrnehmen* — воспринимать — раскладывается на *wahr* (истинный) и *nehmen* (брать, принимать).]

поминанию, которые могут привести к довольно тяжелым степеням слабоумия. Особенно явным это становится при старческом слабоумии, где часто очень характерным образом невозможно запоминание, тогда как с богатством памяти из более раннего времени обращаются блестяще. Это может приводить к тому, что вещи перекладывают на другое место, а потом обвиняют других людей в воровстве, или к тому, что замужняя старуха обозначает себя девичьей фамилией. Постепенно это пропадание знаний может прогрессировать. Самым прочным остается то, что ранее всего приобреталось. Поскольку способность к запоминанию действительно нарушается только при телесных заболеваниях, установление ее нарушения важно для терапевтических мероприятий, а также для прогноза. Однако распознать его часто чрезвычайно сложно. Не очень обученный человек едва ли сможет отличить нарушения сознания и внимания от нарушения способности к запоминанию.

Давно известно, что как внимание, так и способность к запоминанию повышается упражнением. Их тренировка сегодня так распространена, что те, кому ее не хватает, отстают в жизненной борьбе и оказываются глупыми. Но мероприятия, проводимые для упражнения, сводятся к определенной навязчивости, которая часто создает у ребенка враждебную, особенно упрямую установку против обучения и учителей. Так появляется большая часть неудовольствия от учения и таким образом неспособности к учению.

Если чувственное впечатление, которое мы ранее уже получили и запомнили, затрагивает нас снова, то происходит его *узнавание*. К самым радостным родительским переживаниям относится, когда уже в первые дни во множестве появляются признаки того, что ребенок узнает свою мать. Через несколько недель унифицируется тот

примечательный акт, который сопровождает узнавание и является его верным признаком: *смех*. Повторное появление уже известного становится поводом для доставляющей удовольствие ситуации *веселости*. Какое удовольствие доставляет узнавание, показывает нам тот факт, что его очень жаждут. Ребенок постоянно повторяет уже известное. Ведь узнавание означает большую экономию сил, оно удаляет как ненужное мучительный аффект испуга, а также очень часто аффект страха и скорби. Даже если при доставляющем неудовольствие аффекте узнают его уже знакомый повод, неудовольствие уменьшится по сравнению с первым разом, потому что сразу при приближении затрагиваются защитные механизмы. Уже их попытка смягчает неудовольствие. Узнавание является одной из важнейших составляющих умственной деятельности; оно играет роль почти в каждом умственном акте. Все упорядочивание, все мышление основывается на узнавании. Противоположность узнаванию — растерянность, состояние, доставляющее крайнее неудовольствие. Чтобы его избежать, узнавание хотя бы частей объекта совершает удивительно большую работу, хотя и часто терпит неудачу. Кто недостаточно глуп, чтобы относиться ко всему как к известному, тому придется вынести много неудовольствия. Чтобы его опосредовать, многие бегут из яркого мира действительности в простую последовательность одинаковых вещей, в схемы и видят только их.

Сильные аффекты, желания и опасения, особенно также такие, от которых отрекается сознательное мышление, порой повышают способность к узнаванию. Чаше встречается нарушение узнавания. Особенно часто случаются временные промахи. Мы не узнаем известное, нам кажется, что мы узнаем известное в неизвестном, мы путаем одно определенное известное с другим определенным известным.

Каждое воспринятое чувственное впечатление, усвоенное посредством запоминания, оставляет в *памяти* сохраняющиеся на всю жизнь следы. Это проявляется при каждом похожем оформленном раздражителе. Даже когда человек совсем не помнит такого же чувственного впечатления, можно заметить, что растерянность все же не наступает. Напротив, этот человек действует так, как если бы находился в известной ситуации. Еще более доказательным для прочности памяти является то, что после многих лет, даже десятилетий, давно забытые факты вдруг снова всплывают и снова переживаются с величайшей живостью. Особенно часто это происходит в сновидении, гипнозе и психоанализе. Особенно часто переживания снова всплывают, когда актуальная жизнь беднеет из-за снижения способности к запоминанию. Поэтому можно сказать, что следы памяти, не считая случаев тяжелейших изменений мозга, никогда не уничтожаются.

Пожалуй, нам часто встречается нечто, что обычно обозначают как потерю памяти; но это нарушение *вспоминания*. Обыкновенно новое чувственное впечатление пробуждает в памяти бесчисленные более ранние чувственные впечатления. В частности, повторное возникновение аффекта очень часто и очень отчетливо, правда, зачастую очень искаженно, снова вбрасывает в сознание более ранние поводы к тому же аффекту. Однако хорошо известен факт — едва ли в какой-то главе данной книги нет соответствующего материала, — что определенные воспоминания отстраняются от сознания. Важнейший процесс такого рода мы вместе с Фрейдом называем вытеснением. Он стоит у истоков не только многочисленных невротических заболеваний, но и так широко распространенной *глупости душевного происхождения*.

Ребенок получает чувственное впечатление, и оно трогает его душевно. Это выражают выразительные

движения, особенно «сильно эмоциональный язык» (Пиаже). Кроме того, язык имеет еще функцию указания, называния (Джексон)¹. Предмет замещается словом, его названием. Власть над названиями позволяет овладеть предметом: ребенок, который может сказать слово «мама», посредством этого слова до известной степени принуждает мать подойти, а посредством крика «кукла» добивается поднимания упавшей куклы. Слово получает такое большое действующее наружу значение, которое в магическом мышлении и в колдовстве приводит к вере во всемогущество слова. Но и в разумном мире вместо недоступной вещи часто берут доступное слово, играют с ним, предпринимают с ним пробные действия. Такую деятельность мы называем *мышлением*. Есть люди, которые не хотят (а возможно, и не могут) отказываться от манипуляций с осязаемым. Это люди, которые, возможно, очень ловки в практической жизни, но которых в умственном отношении мы причисляем к глупцам. Затем есть люди, которые работают почти исключительно с образными воспоминаниями. Это имеет огромное значение для душевного склада человека. Особенно этим пользуются более творческие натуры. В осязаемой жизни они часто неуклюжи, глупы, но причина этого не в том, что «мечтания» делают человека неблагоприятным. Напротив, разрастание мечтаний и творческое созидание являются следствиями разочарования в действительности, из которой сбегает в мир внутренних образов, которые невозможно похитить. По схожей причине мышление загромождается разрастающимся навязчивым мышлением или

¹ [Джон Хьюлингс Джексон (1835–1911) — английский невролог, различал язык как средство обмена информацией и дискуссии и эмоциональный язык, которому причиняется меньший ущерб при афазиях. См. Holmes, G. John Hughlings Jackson. // Kolle, K. Große Nervenärzte. 21 Lebensbilder. — Stuttgart: Thieme, 1956. — S. 135–144.]

мудрствованием и часто также приводит к отчуждению от мира. Здоровое, плодотворное мышление всегда отмечено чувством и поэтому вследствие мощных движущих аффектов и желаний также часто может заблуждаться.

Сначала ребенок знает только образы слов для осязаемых, «конкретных» предметов. «Кукла» сперва является названием для одной единичной куклы. Однако ребенок может узнать в другой кукле свою куклу с относящимся к ней миром чувств. Различия с первой куклой тогда «не учитываются», на них на самом деле часто словно закрывают глаза, чтобы можно было поверить, что это старый объект любви. За куклу (единичную) берется кукла вообще: *понятие* «кукла» возникает через эту *абстракцию* (буквально: отвлечение). Благодаря этому становится возможным: «Кукла, еще кукла, много кукол!» — самая ранняя форма *счета*. Скоро появляются первые понятия о числе («понятие» здесь еще очень «осязуемо»). С их помощью можно снова и снова к своему удовлетворению убеждаться в том, что все любимые здесь, получать удовольствие от того, что плохие далеко, что у тебя ничего не отнято. Счет и вычисления имеют значение для развития понимания. Для народов их владение понятиями числа считается мерилем их культурного уровня. В противоположность этому оказывается, что слабоумные могут быть искусными вычислителями. Ведь сложение, вычитание, умножение и простое деление являются задачей запоминания и вспоминания. Работать нужно только по одной схеме. Вариантов нет. Иначе уже со сложными задачами в делении. Согласно данным предвоенной статистики, в Германии из двадцатилетних призывников столько же этого не умели, что это неумение считалось не признаком глупости, а недостатком интеллекта. Эта проверка показывает и низкую ценность просто зазубренного школьного знания.

Постепенно, кроме последовательного присоединения и счета, появляется множество понятий, вплоть до пространства, в котором можно двигаться по трем направлениям (длина, ширина и высота) и которое длится в четвертом измерении — времени; «многомерное», «изогнутое» пространство теоретической физики смогло появиться как чудесно реальное вспомогательное средство человека для все шире раздвигающегося господства над природой. В другой сфере «хорошее» — первоначально то, что дарит удовольствие, — превращается в то, что обеспечивает любовь родителей, потом в богоугодное, — это то, что послушно общему «Сверх-Я», в идеальное, — это то, что после абстракции «случайного» пространственного и временного явления одного процесса остается «вечным» (тем, что Должно-быть-Всегда).

Способность к образованию и даже новообразованию понятий развита очень по-разному. Поскольку «чисто понятийное» мышление считается высшей формой мышления, его часто симулируют. Так, нелегко разглядеть, что многие прекрасно обходятся промежуточной формой между конкретным и абстрактным мышлением: вместо абстракции появляются «представления» об упрощенных переживаниях, которым еще свойственен как своеобразие более или менее смягченный аффект действительно когда-то виденного. Однако для большинства людей справедливо высказывание Гете:

Там, где понятий не хватает,
Всегда к услугам слово есть.

В словах, повторенных за другими, нет осязаемого содержания и нет ни следа живого чувства. Если мышление хочет соответствовать своей задаче, то попытки изобразить словами постоянно должны сравниваться с действительностью, ведь все мышление происходит

с оглядкой на вещественную действительность, чтобы достичь исполнения в ней или чтобы избежать исходящего из нее пугающего неудовольствия.

Мышление привязано к языку, следовательно, его развитие очень зависит от языкового развития. Его высокий уровень не всегда проявляется в речи. Многие дети, несмотря на хорошее понимание слов, начинают говорить очень поздно. Когда потом они вдруг начинают говорить, они уже обладают сравнительно очень богатым словарным запасом, который осмысленно используют. Подчас случается, что дети, довольно долго молчавшие, сразу с полным пониманием начинают говорить предложениями.

Мы получаем язык от окружения и владеем им совместно с ним. Речь, служащая только собственному выражению и собственным отношениям, не имеет общественной ценности языка. Но ребенок, пока он не слышал многих слов или по меньшей мере не слышал их именно в нужном контексте, часто не в состоянии объясняться. Тогда он легко предстает глупым, как бы хорошо он ни наблюдал и ни оценивал. Этой кажущейся глупости противостоит одна часто удивляющая способность к образованию новых слов и к новым применениям старых, в которой проявляется большая образность и тонкое языковое чувство. У очень многих детей мы обнаруживаем тайный язык. Главным образом он служит потребности в противовес тому вздору, который произносят родители, чтобы было непонятно ребенку, со своей стороны тоже, глумясь, говорить своим товарищам по игре что-то, что должно остаться непонятным для больших. Но не только форма, содержание тайных речей тоже обычно служит критике и глумлению над непонятным и поэтому воспринимаемым непонятливым окружением. А кроме того, каждый ребенок, по меньшей мере временами, испытывает потребность производить шум или напевать тоны.

Такая бессмыслица, как это любят называть, сохраняется в «лалала» и «тиралала» многих песен. Позднее эта мешанина звуков обычно изгоняется в глубокое бессознательное. Что характерно, у некоторых очень рассудительных людей этот вид языка чувств остается на всю жизнь, хотя и как самая сокровенная тайна; только влюбленные наслаждаются его совместным выражением.

От искусственных языков детей с их новообразованными словами следует отличать другие искусственные языки, появляющиеся при шизофренических заболеваниях. Они являются выражением сильной замкнутости. На пути к ним лежит много тайных языков, особенно у некоторых ученых. Они больше служат исключению дилетантов, чем взаимопониманию с ближестоящими. Они часто становятся самоцелью и легко теряют связь с вещами. Великие умы обычно их отбрасывают и чеканят новые ценности из старых монет, без предубеждения, как ребенок.

Мы всегда заново восхищаемся оформлением языка у здорового ребенка, его внимательностью, его способностью к узнаванию и прежде всего живостью речи. Точно так же, как здоровый ребенок в течение дня, бегая взад и вперед, покрывает километровые расстояния, да к тому же быстрым шагом, так и в умственном отношении он свершает очень много и свершает оригинальное. Он способен видеть все, что попадает в его поле зрения. Если что-то доставляет удовольствие, это удерживается и ищется снова; если доставляет неудовольствие, его избегают. Ничто не бывает заранее хорошим или плохим, красивым или безобразным. Еще не нужно отводить глаза, если что-то отвратительно. Ребенок свободен от предрассудков. Однако воспитание старается привить ребенку предрассудки. Необходимо, чтобы подрастающий получал в свое распоряжение опыт предыдущего по-

коления и не нуждался в том, чтобы сначала ощутить весь плохой опыт на собственном теле. Тем не менее многое ему еще придется перестрадать. Нужно, чтобы ребенок сам обжегся, чтобы он стал остерегаться огня. Как бы иначе он узнал, что такое «горячо»? Мы должны только проследить, чтобы вред от огня был минимальным.

Недостатком почти всех воспитателей является то, что они — если уж не используют свою телесную силу — все-таки злоупотребляют зависимостью ребенка и его любовью. «Воспитанный ребенок на такое не смотрит!» «Хороший ребенок такого не думает!» Если что-то — «фу», то достаточно научить ребенка не пачкаться этим. Но он не обязан отводить глаза. Ребенку становится ясно, что бабушка сердится или обижается, если он говорит, чтобы она ушла (умерла). Он может промолчать по практическим причинам, позднее и по тактическим. Но почему он не должен иметь таких мыслей либо других? Таким образом ребенок упражняется в невосприятии, невспоминании, немыслинии и в угоду своим родителям достигает в этом очень больших успехов. Без этого он охотно принимает рассказанные ему схемы. Они облегчают доставляющее удовольствие узнавание, избавляют от страха, часто и от потери родительской любви. Они представляют неизвестное известным и избавляют от задачи новой классификации. В конце концов ребенок перестает жить преобразующейся действительностью, а живет единственно родителями, любовь которых должна быть неизменной.

Особенно важным это становится в возрасте от четырех до шести лет. В этот период стремление ребенка к удовольствию очень часто вовлекает его в конфликты с родителями. Незапуганный ребенок начинает онанировать, что приводит к сильно потрясающим его запугиваниям, к «комплексу кастрации». Доходит до порывов

гнева по отношению к родителям и до критики в их адрес. Но гнев непозволителен. О возражениях нельзя и подумать. Если рождается братик или сестренка или ребенок в окружении, то это уже по причинам ревности должно живо интересоваться ребенка. Но он должен быть глупым и ничего не видеть! Люди умирают: и об этом с ребенком тоже не говорят, а ведь это очень его занимает. Он хочет спросить, но ему не хватает слов. Поэтому он постоянно спрашивает одно и то же: «Откуда появляется эта вещь? Как ее делают? Что если она сломается?», «Почему?», «А потом?» Он бесконечно спрашивает одно и то же. Узнавание уже известных рассказов помогает ему преодолеть страх перед тем многим жутким, что наполняет окружающую среду. Он надеется, что ему дадут слова для неназываемого, «просветят» его. Вместо этого измученная мать бранит его за глупые расспросы. Так ребенок учится ограничивать свои вопросы и свои собственные мысли и восприятия, ведущие к таковым. Он становится «ограниченным», и тем удобнее им руководить.

В тот же период и под теми же влияниями ребенок проводит и *обратное образование своих аффектов*. Маленьким ребенком владеют живые аффекты, они побуждают его умственную жизнь. Но на длительное время и сильные аффектные переживания опасны для ребенка, их сильное выражение часто становится в тягость воспитателям и окружению, становится подчас опасным. Так выражения аффектов со временем все более и более затормаживаются. Но если воспитатели, любовь которых является для ребенка жизненной необходимостью, сердятся из-за переживаний аффектов, то последние кажутся ребенку чем-то скверным и испорченным. При определенных обстоятельствах это делает неспособным к аффекту. Так становится невозможна и большая часть умственной деятельности, которую несли аффекты.

Те же торможения устанавливаются против тех функций, которые мы описали выше как «повторение эхом». Неприятно, когда один ребенок начинает плакать, а скоро в рев включается целый хор детей. Часто так же сложно выносить, когда поднимается бесконечный смех. Для выполнения поставленных перед ним задач ребенок должен все более и более замыкаться. Но часто подавление участия в действии, выполняемом другими людьми, осуществляется неуклюже и заходит слишком далеко. Чрезмерное рвение родителей, с которым они выставляют повторение эхом достойным презрения и запрещают его, намного сокращает способность людей понимать и сочувствовать. Так они становятся одиноки и ожесточаются по отношению друг к другу. Конечно, так изолированно ими легче управлять.

Так ребенок превращается во взрослого, как правило, не способного самостоятельно видеть, вспоминать и мыслить, руководствоваться чувствами и сопереживать чувствам других людей. Он глуп. К счастью, в воспитании редко удается полное подавление умственной жизни. Именно там, где муштра слишком строга, вместо любви она будит страх и ненависть. Первыми отваживаются выдвинуться критические мысли, прокладывая путь освобождающему действию. Там, где невозможно мыслить сознательно, цепи повседневного умственного ограничения разрываются *«внезапными мыслями»*. Удовольствие, которое манит, опасность, которая грозит, на миг ломает установленные Сверх-Я преграды. Кажется, внезапные мысли поданы кем-то, богом или чертом. В античности его звали гением. *Гениальным* мы называем того, кому происходящее из детства упрямство, глубокое чувство вины и другие бессознательные побуждения любви и ненависти часто подают и позволяют осуществлять такие внезапные мысли, которые указывают новые пути, а ино-

гда также вызывают неприятие или даже ужас. *Гений* необычен и чужд, даже жуток для среднестатистического человека. Тот охотно отбивается старыми избитыми словами, что для него особенно облегчается тем, что сверхсвершениям почти всегда противостоят недосвершения или болезненные свершения, объясняемые из тех же влечений и аффектов («Гений и помешательство» Ломброзо¹).

Идеальное воспитание позволит человеку правильно шагать проторенными дорогами, но при этом также заглядывать за окружающие изгороди и своевременно через них перескакивать.

¹ [Lombroso, C. Genie und Irrsinn in ihren Beziehungen zum Gesetz, zur Kritik und zur Geschichte. — Leipzig: Reclam, 1887.]

К ПСИХОГЕНЕЗУ ПСЕВДОДЕБИЛЬНОСТИ

ДОКЛАД В НЕМЕЦКОМ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ
ОТ 1 ИЮЛЯ 1930 ГОДА

(1930)

Берта Борнштейн

Предварительные замечания к публикации

В данной статье рассмотрение феномена псевдодебильности делается, прежде всего, на клиническом материале. Показана связь психогенеза интеллектуального торможения с эдиповыми проблемами.

Впервые опубликовано в: *Bornstein, Berta. Zur Psychogenese der Pseudodebilität. // Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse. — 1930. — Bd. XVI. — Heft 3/4. — S. 378–399.*

Перевод с немецкого *М.М. Бочкарёвой.*

В психоаналитической литературе обнаруживаются различные вклады, исследующие осуществление парциальных интеллектуальных торможений, например, несостоятельность детей в определенных школьных предметах, неудовольствие или неспособность охватывать определенные области знания у детей и взрослых. Все они подтверждают то, что сказал Фрейд о сущности

и генезе торможений в целом: речь всегда идет о сексуализированной функции Я, и Я отрекается от этой функции, чтобы сэкономить более затратные виды защиты или чтобы угодить Сверх-Я. Соответствующая заторможенная область каким-либо путем, например, через персону учителя, первым это опосредовавшего, или через особенные черты какой-либо буквы на уроке письма и т. п., пришла в ассоциативное соединение с существенными конфликтами инфантильной сексуальной жизни. Этих конфликтов Я избегает торможением или торможением же накладывает из-за них на себя наказание¹. На последнее обстоятельство только недавно настойчиво указал Лафорг². Примеры анализов парциальных торможений среди других обнаруживаются у Радо³, Айхорна⁴, Кляйн⁵, Тамма⁶, и особенно многочисленные и показательные — у Цуллигера⁷.

Но поразительно, что, хотя феномен *псевдодебильности* знаком каждому аналитику, в литературе не обнаруживается ни одного вклада, который разбирал бы это общее торможение совокупного интеллекта. Единствен-

¹ *Freud*. Hemmung, Symptom und Angst. // *Ges. Schr.* — Bd. XI. — S. 23ff.

² *Laforge*. Die Mechanismen der Selbstbestrafung und ihr Einfluß auf dem Charakter des Kindes. // *Z. f. psa. Pädag.* — 1930. — Bd. IV.

³ *Radó*. Über eine besondere Äußerungsform der Kastrationsangst. // *Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse*. — 1919. — Bd. V.

⁴ *Aichhorn*. Verwahrloste Jugend; Psychoanalytisches Verständnis und Erziehung Dissozialer v: Das psa. Volksbuch.

⁵ Многочисленные работы. Особенно см.: *Klein*. Zur Frühanalyse. // *Imago*. — 1923. — Bd. IX; Die Rolle der Schule in der libidinösen Entwicklung des Kindes. // *Int. Z. f. PsA.* — 1923. — Bd. IX; Die Rollenbildung im Kinderspiel. // *Int. Z. f. PsA.* — 1929. — Bd. XV.

⁶ *Tamm*. Die angeborene Wortblindheit und verwandte Störungen bei Kindern. // *Z. f. psa. Pädag.* — 1927. — Bd. I.; Kurze Analysen von Schülern mit Lese- und Schreibstörungen. // *Z. f. psa. Pädag.* — 1929. — Bd. III.

⁷ *Zulliger*. Gelöste Fesseln; Aus dem unbewußten Seelenleben unserer Schulkinder und многочисленные менее крупные работы в: *Z. f. psa. Pädag.*

ная работа, занимающаяся психосексуальным генезом глупости, работа Ландауэра¹, не приводит достаточно глубоко проанализированного клинического материала.

В своей аналитической практике с детьми и подростками я имела возможность изучить общий недостаток интеллекта на трех случаях; в двух других передо мной встала проблема того, почему у разумных во всех других отношениях детей не могла осуществиться никакая сублимация в умственной области.

Если теперь, побужденная этим опытом, я выбрала темой своего первого доклада в вашем кругу клинический вклад в генез псевдодебильности, то мною при этом руководили следующие желания: исследовать на материале анализа условия тяжелейших общих торможений и их соотношение с конфликтами влечений, кроме того, побудить не трактовать столь решительно слабость интеллекта как противопоказание против анализа и, кроме того, надежда, что своим вкладом мне удастся побудить к дискуссии об условиях сублимаций, — области, важной для детского анализа и для аналитически ориентированной педагогики.

Далее будет представлен хорошо изученный случай торможения интеллектуального развития. Приобретенные в нем аналитические воззрения совпадают с теми, что дали другие анализы умственно заторможенных пациентов. Я ограничусь той частью материала из анализа данного случая, которая делает понятным генез псевдодебильности.

Пациентку, девочку двенадцати с половиной лет, привели в нашу поликлинику не из-за данного обстоятельства, с ним ее мелкобуржуазная семья смирилась. Повод

¹ *Landauer. Zur psychosexuellen Genese der Dummheit. // Z. f. Sexualwissenschaft und Sexualpolitik. — 1929. — Bd. XVI.*

к посещению клиники дал гораздо более тревожащий симптом — истерические абсансы, впервые наступившие за год до начала анализа. Девочка обозначала эти абсансы как «состояния сновидения», при которых она слышала все, что происходило вокруг нее, будто очень издалека, не понимала, что говорили, не была способна отвечать, видела окружение словно через пелену, не чувствовала ничего, кроме своей «ощепенелости». В этом симптоме уже содержатся элементы, составлявшие также и тотальное интеллектуальное торможение девочки: ничего не понимать, ничего не слышать, ничего не видеть, ничего не чувствовать, не иметь возможности двигаться означает быть приговоренной к глупости, особенно если эти состояния тянулись целыми днями, как это было в начале анализа. Однако глупость не наступила впервые вследствие этого симптома, а существовала еще до периода латентности; она, как я попытаюсь показать, имела тот же смысл, что и последующий истерический симптом.

В телесном развитии девочка ушла далеко вперед и к началу анализа производила впечатление, будто она на несколько лет старше своего возраста. Тем удивительнее было слышать ее речь. Ее словарный запас соответствовал запасу первоклассника. У нее не было никаких интересов, не было контакта с ровесниками, никаких позитивных связей со взрослыми. К главным чертам ее характера относилась сильная недоверчивость, основывавшаяся на идентификации с матерью, продуцировавшей несколько приступов бреда ревности. К этой матери ребенок был сверхсильно привержен, в приверженности легко было углядеть сверхкомпенсацию враждебности. Отца, казалось, поначалу она полностью игнорировала. Сестры, на десять лет старше ее, и брата, который был старше девочки на два года, она избегала. По внешне ничтожным поводам, таким как поддразнивания со стороны брата,

регулярно происходили приступы ярости, в которых она вела спутанные бранные речи и била брата.

В анализе ребенок не понимал того, что говорилось, как бы просто это ни было сформулировано. Делать прямые сообщения о себе девочка не могла точно так же, как не могут совсем маленькие дети. А рассказы матери содержали пробелы, отчасти были неправдивы. Например, пациентка лишь недавно смогла сообщить мне, что мать снова и снова умоляла ребенка не рассказывать в анализе ничего об отношениях в семье. — В первое время анализа ребенок проходил лечение не только у меня, но одновременно и у индивидуального психолога. Ребенку под страхом наказания запретили мне об этом сообщать. Вспомогательные средства, которыми мы обычно пользуемся в детском анализе, чтобы сделать недоступного ребенка разговорчивым, в этом случае невозможно было применить. Пациентка совершенно исключала возможность фантазирования. Ее невозможно было подвигнуть к тому, чтобы взять в руки карандаш и порисовать, «потому что такое могут только художники», сновидения она не могла пересказать, «потому что их нет». На мой вопрос, как она вообще пришла к тому, чтобы обозначать свой симптом как «состояние сновидения», она ответила, что это просто так и есть.

Ее недостаточная *потребность в каузальности* до сих пор не казалась ей ненормальной. Когда спустя много месяцев она начала рассказывать разрозненные сновидения, она делала это, как трехлетний ребенок, неспособный различить между увиденным в сновидении и действительно произошедшим (например: «Сегодня ночью в комнате был волк»). Ее также не смущало мое утверждение, что другие люди, очевидно, различить смогли бы. Один из ее стереотипных оборотов речи в анализе гласил: «Необязательно всему иметь причину». Кроме того, бросалось

в глаза ее недостаточное умение ориентироваться. Хотя ей было уже почти тринадцать лет, она едва могла ориентироваться вблизи своей квартиры. Понятия «деревня», «город», «страна», «часть света» она не могла развести, несмотря на несколько лет изучения географии в школе. О морях она говорила, что они «текут под землей», хотя не раз проводила лето на море, — напротив, в пустыне, по ее словам, «много воды, так что она даже отражается в воздухе». Столь же недостаточными были ее представления относительно времени и денег. Она при всем желании не могла сказать, произошло что-то недели, месяцы или годы назад, и не только когда речь шла о травматических событиях. Деньги она любила, особенно блестящие монеты, она собирала их, подобно маленьким детям, причем ей было безразлично, какую реальную ценность имело ее имущество. На описание она была не способна. По ее утверждению люди отличались друг от друга не различной внешностью, а «самое большее, именем». Несмотря на это, она едва ли знала по именам своих одноклассников и учителей, с которыми провела вместе несколько лет. Ее мануальные и физические способности также сильно отставали от способностей ее сверстников.

Следующее изложение я хочу начать с результатов анализа, который на данный момент длится два года. До появления абсансов пациентка дарила свою любовь маленькой собачке, умершей от последствий родоразрешения с наложением щипцов, при котором ребенок частично присутствовал. Она сообщила, что симптом впервые наступил сразу после этого происшествия. Это сообщение впоследствии оказалось ложным; поводом к первому появлению симптома стало гораздо более значимое событие, которое пациентка полностью вытеснила и при котором она пережила прорыв ее инцестуозных желаний в сознание. Пациентка, которой тогда было одиннадцать

лет, провела несколько недель одна с отцом и в отсутствии матери, сестры и брата пыталась завоевать любовь и одобрение отца. По возвращении мать тотчас начала предъявлять отцу серьезные и несправедливые упреки, якобы во время ее отъезда он имел отношения с другими женщинами. Это мобилизовало *чувство вины* пациентки, действительно добивавшейся в то время отца, особенно когда мать потом предприняла попытку суицида. Кстати, абсансы регулярно наступали, когда пациентка думала о «болезни» или «смерти». Скорбное переживание с собакой, которая в отличие от матери действительно умерла, вновь воскресило ее неулаженный конфликт. Абсанс, в котором она не могла ни о чем думать и не могла двигаться, с одной стороны, предохранял ее от задеирования ее агрессивных импульсов; с другой стороны, он являл собой идентификацию с матерью, которая из-за неверности отца хотела лишиться себя жизни, отравившись газом, и которая в состоянии отравления, как рассказывали пациентке, находилась «в полузабытии».

Примерно из того же времени происходит другой весьма примечательный симптом, а именно, любовь к *пиву*, которая чуть не привела к выраженному *пьянству*; когда она попала на анализ, она выпивала примерно литр-полтора пива в день. Примечательным было то, что родителей этот симптом вообще не беспокоил.

Кстати, упомянутая приверженность к матери усилилась только после смерти собаки, точно так же как и существовавший еще до этого страх выходить одной из дома, а также почти ступорозное поведение девочки. Так за фасадом большой любви к матери был выявлен воздействующий сильный нормальный эдипов комплекс, который тем не менее приобрел особенную, крайне ненормальную форму вследствие преждевременных расстройств и ущемлений развития либидо.

Я уже упоминала, что ребенок вообще имел явно расстроенные объектные отношения; ее тотальное интеллектуальное торможение, как я теперь попытаюсь показать, было взаимосвязано с расстройством ее объектных отношений. Девочка уже почти год была в анализе, когда впервые удалось подробнее узнать об отношении к отцу. Прежде в центре анализа стояло сексуальное просвещение, ее признание в онанизме и переработка тяжелой травмы, которая была запущена первой менструацией, пришедшейся на третий месяц анализа. Чрезмерная привязанность к матери уже была немного поколеблена лечением. Она начала спрашивать, почему не мать дала ей все эти разъяснения и утешения, которые она получала теперь от меня, посторонней. Смена школы, предпринятая по моему совету, изменила актуальную ситуацию девочки и немного расширила ее кругозор. С поддержкой анализа и дружеской школьной среды, в которой ее не принуждали ни к какой работе и в которой ей позволяли вдоволь наслаждаться покоем, она начала ощущать, какое большое расстояние существовало между ней и остальными детьми и что внутренние трудности препятствовали ей принимать участие в жизни школы, приветствующей разного рода деятельности. Тогда она начала самым резким образом критиковать в анализе методы этой свободной школы и выдвинула множество несправедливых упреков против мальчиков и учителей-мужчин этой школы. Прежде всего, она выдвинула тяжелейшие обвинения, вершиной которых стал упрек в несправедливости, против директора школы, доброго пожилого человека, которого любили дети. Лишь с трудом удалось узнать, что главное его преступление состояло в том, что якобы он недостаточно ее любил. Однажды он не предложил, как это было принято, написанное ею, критикующее школу сочинение для дискуссии одноклассникам — очевидно,

с оглядкой на нее. От этого она почувствовала себя обойденной по сравнению с мальчиками, с которыми этот учитель имел обыкновение устраивать всяческие потасовки. Тогда она еще не знала, что ощущает скорбь из-за этого, так же как она не страдала сознательно от того, что отец предпочитал ее старшего брата. В анализе это переживание с учителем открыло путь к воспоминаниям схожих переживаний с отцом.

Еще совсем маленькой девочкой пациентка добивалась отца подобно тому, как это происходило позднее на двенадцатом году, когда однажды она провела каникулы наедине с отцом и пыталась завоевать его интерес и его нежность. Она пыталась, как мы постоянно переживаем это в анализах и в повседневном наблюдении девочек, быть такой же деловитой, как мать, чтобы отец любил ее, как мать. То, как она хозяйничала на кухне позднее на двенадцатом году, в те недели каникул, когда мать была в отъезде, демонстрируя при этом осмотрительность и проворство, явно противоречившие ее обычному поведению, она пыталась осуществить и тогда, когда ей не было еще и трех лет, стараясь помочь на кухне в надежде, что отец примет к сведению то, что она уже может позаботиться о нем так же, как мать. Но когда она разбила дорогое блюдо и до крови порезалась об него, отец пришел в бешенство от этого безобразия. Таким образом, внезапно грубо наложенный запрет отца, к которому тотчас примкнула мать, поколебал дальнейшую идентификацию с матерью в этом сублимированном направлении. До некоторого времени пациентку невозможно было подвинуть даже на самую мелкую работу по хозяйству. Если мать принуждала ее к этому, дело кончалось слезами и разбитыми тарелками, как в том раннем детском переживании.

Но малышка еще не отказалась от своего безмолвного ухаживания за отцом. Помимо матери, в доме была

еще одна персона женского пола, которая, казалось, была пациентке по плечу, а именно, старшая сестра, жившая в постоянной ссоре с отцом. Пациентка быстро поняла, что такой, как сестра, нельзя становиться ни в коем случае, если только хочешь добиться любви отца. Ей говорили, что отец зол на сестру, потому что та не слушается и дерзит. Тогда она стала стараться слушаться во всем отца и мать и молчать. Но и от этого послушания было мало пользы. Отцу маленькая молча добивавшаяся его девочка мешала. Тогда же она восприняла, что отец отвергал и мать, постоянные подозрения которой мучили и отталкивали его. Главный интерес отца фактически был направлен на брата.

С этим открытием малышка оставила путь к женственности, которым она до этого нормально шла. Она еще не отказалась от любви к отцу, но ей уже не нужно было ненавидеть мать, потому что мать больше не была ее конкуренткой, теперь только брат лишал ее отцовской любви. Как так получилось, что позднее она снова развила ненависть и желания устранения по отношению к матери, получившие столь живое выражение в ее сумеречных состояниях и в ее глупости, мы еще услышим позднее.

Так ее внимание начало переключаться на брата. Здесь нужно кое-что сказать об ее отношении к брату до этого. Свою зависть к пенису в раннем детстве она пыталась усмирить верой в то, что пенис брата — лишь развлечение, нечто странное, что он подвесил себе «для забавы», как иногда навешивают что-нибудь на себя в театральной пьесе. Она думала, что это можно снова убрать. Якобы позднее она сама, когда придет ее очередь, тоже привяжет себе нечто такое, подобно тому, как, например, при игре в Касперле ей однажды нацепили искусственный нос. Однако этой интеллектуальной переработке и кажущейся уверенности, которая должна была ее утешить, предше-

ствовал период сильного беспокойства. У нее есть одно раннее воспоминание, в котором она, двух- или трех-летняя, видит себя сидящей на полу, инспектирующей свои гениталии, не найдется ли там где-нибудь члена, как у брата. Как показал анализ, самый ранний ее онанизм в то время был подчинен этой цели и тогда еще не соединялся с чувствами вины. Ее недостаточное умение ориентироваться имело свое происхождение в этих напрасных исканиях органа, который она считала имеющимся. Сложность женских гениталий, как показал Фрейд¹, затрудняет маленькой девочке ориентирование, которое легко дается мальчику, и облегчает ей иллюзию, что член спрятан где-то глубже и ей просто не хватает сноровки, чтобы найти его. Представление «я все-таки не могу найти искомое» парализовало смелость пациентки к тому, чтобы вообще что-то искать.

Ей еще не было четырех полных лет, когда брат испытал новое предпочтение. Он пошел в школу и стал центром интереса семьи. Гордый отец возбужденно заслушивал за обедом отчеты первоклассника. У брата были тетради и книги, которыми он регулярно мог добиться интереса отца. Брат был умным, и, прежде всего, он был мальчиком, что малышке приходилось слышать каждый день в торжественном обращении к нему отца: «Мой хороший умный мальчик». Следовательно, чтобы получить любовь отца, нужно было стать хорошим умным мальчиком.

Так, желание пениса у девочки, еще совершенно соответствующее эдипову желанию отцовской любви, было оттеснено в русло сублимации. Чтобы ее любили так же точно, как брата, маленькая девочка теперь усердно старалась достичь точно таких же свершений, как брат.

¹ *Freud.* Einige psychische Folgen des anatomischen Geschlechtsunterschiedes. // *Ges. Schr.* — Bd. XI.

Пока брат был в школе, малышка часами сидела, пытаясь научиться писать, читать и считать. Когда она показывала за столом свои каракули, точно так же как брат — свои тетради, рассказывала, живо фантазируя, о своих школьных переживаниях, она слышала только громкий смех и поддразнивания со стороны отца, в которых чувствовала только отвержение. Слова матери: «Брось, ты еще слишком мала!», высказываемые как утешение, не выполняли своего предназначения. Они представляли собой точное повторение материнских запретов помогать на кухне, потому что она якобы слишком для этого мала.

Так у ребенка образовалось представление: «Отцу не важно, что я становлюсь умнее, добиваюсь его любви, а мать, кажется, этого не хочет, точно так же, как тогда, когда я разбила блюдо». Мудрствования о том, почему отец не любит ее так, как брата, почему она не может свершать то же, что и он, привели к заключению, что причина этому — отсутствие у нее пениса.

С этого момента разочарованный ребенок отказался от своих рьяно начатых попыток сублимации и регрессировал к желанию пениса. Теперь было уже не: «Я хочу свершать то же, что и брат», но, как раньше, и теперь еще настойчивее: «Я хочу любой ценой иметь пенис». Так установились тяжелые агрессивные тенденции против отца и брата, вершиной которых стала фантазия, в которой она отрывает пенис великану. В латентное время еще добавилось дополнение: «за это великан меня бьет», — что было всего лишь регрессивным выражением ее преданной установки к отцу, от которого она хотела через коитус получить пенис или ребенка. Агрессия к брату вела ко все большему отчуждению между ней и родителями, наказывавшими ее за эту агрессию. Постепенно это привело к подавлению агрессивных тенденций и в дальнейшем к определенному торможению ее интеллекта.

Нужно выделить одно переживание из этого времени, приведшее к особому торможению. Однажды во время катания на шлюпке дети поссорились и брат по ее вине упал в море. Она хотела вырвать у него из рук весло, он потерял равновесие и свалился в воду. Она очень испугалась, и, сверх того, ее еще высекли. Это травматическое переживание было полностью вытеснено. Его реконструкция в анализе сопровождалась тяжелыми сопротивлениями. Его воздействие можно было выявить не только в фобии железной дороги и фобии воды, существующих с раннего детства, но и в полном непонимании географических представлений и понятий. Допущение девочки, будто «море течет под землей», теперь становится понятным: так она может отрицать попытку братоубийства, которого она бессознательно хотела. Если бы вода была только под землей или в воздушном отражении в пустыне, то есть там, где ее никогда не бывало, эта ужасная вещь не могла бы произойти.

Известные нам из анализов географических торможений толкования, что с торможением интереса к земле, воде и сторонам света вытесняется интерес к процессам в материнском теле, в нашем случае тоже оказываются верными, но только осознание того бывшего вытесненным детского переживания привело к устранению ее неудовольствия и неспособности учить географию. Одновременно с этим также была преодолена фобия воды и железной дороги.

Агрессия против брата, таким образом, усилила отчуждение между ней и отцом, который ее за это наказывал. Ей оставалось только вытеснять эти садистические импульсы, тем более что они соединялись с желанием стать сыном-женой отца. Быть умной, уметь работать означало хотеть обладать отцовской любовью и требовало соперничества с братом и матерью. Уладить это соперничество в сублимированной форме она не смогла, поскольку отец,

ради которого она приложила это усилие, не предоставил ей признание. А если она придавала своим желаниям устранения их изначальное выражение, ей грозила полная утрата любви, не только со стороны отца, но и со стороны матери. С вытеснением желания быть любимой отцом у нее отпал мотив *продолжать умственно развиваться*.

Старания конкурировать с братом терпели крах. «Бесполезно идентифицировать себя с ним, penis, чтобы стать умной и понравиться отцу, я все равно не получу». Результатом этой установки стала умственная вялость, с которой пациентка пришла на анализ. Конкуренция с братом, penisу которого она завидовала, против которого у нее были желания устранения, которого она фактически столкнула в воду, пробудила ее чувства вины. Соперничать с братом означало для нее убить его. Эти порывы должны были быть вытеснены. Теперь она жила рядом с братом, но не признавала его как существо, владеющее penisом. «Он что-то привесил себе для забавы». Отрицание полового различия привело к тому, что она вообще не умела дифференцировать, что она не различала людей. «Все люди на одно лицо» означало «у всех людей одинаковые гениталии».

Отклонение отцом любви маленькой девочки и зависть к penisу относятся к картине любого женского невроза, они не специфичны для генеза псевдодебильности. Напротив, мы достаточно часто видим, что девочка, вынужденная отказываться от любви к отцу, идентифицирует себя с его мужественностью и устремляется свершить что-то именно в умственной области. Наличие старшего брата обычно, даже часто, также является условием особенно хорошего развития интеллекта у девочки. Почему же в этом случае произошло столь чрезвычайное торможение развития? Первое, что бросается нам в глаза в этой связи, — то, что данный ребенок ни в коем случае не от-

казывался от сексуальных желаний по отношению к отцу, что он только вытеснил их. Идентификация представляет собой гораздо более основательное отклонение инцестуозных вожделений и предлагает гораздо лучшее предохранение от их прорыва, нежели вытеснение¹. Во-вторых, наградой маленькой девочке, соперничающей с братом, обычно является признание и определенное уравнивание в правах со стороны брата, но почти всегда и со стороны отца. Мы видели, что в нашем случае не было ни того, ни другого. Собственная гомосексуальная установка отца влекла за собой усиленный интерес к сыну и подчеркнутое отклонение маленькой девочки, прежде всего, там, где она пыталась свершить *умственную* работу.

Теперь исследуем отношение к матери, к которой малышка, естественно, обратилась, испытав пренебрежение от отца и брата. Почему она не училась у матери, почему не идентифицировала себя с ней? Анализ показал, что отношение к матери было расстроено еще раньше и еще тяжелее, чем отношение к отцу. Как мы слышали вначале, было время, когда малышка идентифицировала себя с матерью, помогая на кухне. Эта идентификация с матерью была введена пережитым в то время разочарованием в матери. Первая попытка суицида матери пришлось как раз на это время. Правда, ребенок не знал об этом ничего конкретного, но он, конечно, чувствовал: «С матерью что-то не в порядке». Если до этого времени малышка находилась только под присмотром матери, отныне она была предоставлена часто сменяющимся няням.

Мать вводила старшую сестру в жизнь взрослых, с ней делала школьные работы, с ней ходила за покупками, с ней ходила гулять по улицам, об опасности которых она

¹ См.: Freud. Der Untergang des Ödipuskomplexes. // Ges. Schr. — Bd. V. — S. 427.

предостерегает нашу пациентку до настоящего времени. Ребенок, пожалуй, преодолел бы это разочарование, если бы оба родителя не расстроили ее в идентификации с матерью (при помощи на кухне). Она ощутила: мать не только пренебрегает ею, но она даже не позволяет ей добиваться любви отца.

Таким образом, ребенок видел себя покинутым примерно в одно и то же время и отцом (и братом), и матерью (и сестрой). Вместо приемлемых объектных отношений девочке пришлось развить необычайное упрямство, носителями которого стали неисполненная тоска и реактивная ненависть. Она хотела силой и упрямством добиться любви, в которой ей было отказано. Об отношениях с другими персонами помимо родителей, брата и сестры она ничего не хотела знать, тем более что и там у нее был не самый лучший опыт. Когда ребенку было четыре года, вся семья однажды уехала, оставив ее одну под присмотром тети, и этим воочию продемонстрировала ей ее покинутость. И в это время тетя обнаружила и запретила онанизм. Это отвернуло ребенка от всего окружающего мира. Когда не было матери, она ревела и становилась абсолютно недоступной влиянию других персон. Она с такой упрямой интенсивностью требовала матери, что не предпринимала больше никаких самостоятельных акций и отчуждалась от действительности. Эта столь важная для всего развития пациентки реакция отвечать на разочарования, с одной стороны, далеко идущей утратой объекта, с другой стороны, диким необычайно интенсивным импульсом к тому, чтобы все же обрести непредоставленное удовлетворение в ярости и упрямстве, должна была соответствовать ранней готовности к такой реакции. Она создает абсолютно прегенитальное, а именно, *оральное* впечатление. Как известно, первые объектные отношения развиваются в оральной фазе. Склонность

к утрате объекта и к таким насильственным садистическим реакциям намекают на фиксирующие расстройства на оральной ступени. Упомянутый симптом выпивания пива точно так же намекает на оральную фиксацию. Мы найдем подтверждения этого ожидания при обсуждении прегенитальности нашей пациентки.

Когда мать в это время привела ее в детский сад, девочка перенесла свое общее отклонение объекта на воспитательницу и других детей. По одному воспоминанию она ни за что не хотела там оставаться, потому что ее обязывали говорить воспитательнице «дорогая тетя», а сделать этого она не могла.

Казалось, что ее амбивалентность и враждебность к объектам препятствовала ей в том, чтобы развиваться умственно соответственно своему возрасту. Сюда относилось и приспособление к посторонним для семьи людям. Садизм, обычно используемый в игре и работе для совладания с внешним миром, здесь расходует в гневе на мать и полностью отклоненный объектный мир. Она ненавидела мать также и потому, что возлагала на нее ответственность за отсутствие пениса. Когда на седьмом или восьмом году она услышала об обрезании, у нее образовалась фантазия: все дети рождаются с пенисом, всех обрезают, только мальчиков по желанию матери меньше, а девочек полностью. Следовательно, это мать лишила ее пениса, сделала ее глупой, потому что не хочет отдавать ей отца. Ее недоверчивость к матери усилилась, когда та, в отличие от отца, похвалила ее за успехи в письме. По сложившемуся у нее впоследствии мнению, мать лицемерила, так как ей хотелось, чтобы она была глупой. В такой интерпретации это мнение было усилено опытом первого года в школе:

Мать отдала робкого ребенка в частную школу. Училась она тяжело, но ей и матери внушали, — вероят-

но, чтобы сохранить ее как ученицу, — что она хорошо успевает, и ставили ей хорошие оценки. Годом позже вступительный экзамен в общественную школу показал, что ей нужно опять начинать с основ. Такое разочарование и продолжение воздействия тенденции к мести матери сделали ее столь невосприимчивой, что она снова осталась на второй год, и ей пришлось проходить первый класс трижды.

Переживание первого школьного времени было точным повторением ситуации на четвертом году жизни, о которой я сообщила вначале. Учительница утешает, хотя девочка ничего не может, так же как мать утешала при первых попытках письма. Мать и учительницы утешают, с ними переживаешь только лицемерное признание и не получаешь указания на путь к правильному свершению, к успеху. Мать, учительницы препятствуют ей в том, чтобы стать умной, а значит, добиться отца. Отец и директор видят ее неспособность и отклоняют ее. Взрослые женщины не помогают, чтобы не дать понравиться любимым мужчинам. Из-за ее сильной ненависти к матери эта недоверчивая установка по отношению к школе не могла быть скорректирована. Опыт того, что одноклассницы все-таки учатся, несколько ей не помогал. Соперничать с ними казалось столь же бесперспективным делом, как когда-то соперничество с братом, имеющим пенис.

Позднее, в период латентности, она также не могла ничего воспринимать в школе потому, что нуждалась во всей своей энергии для подавления навязчиво всплывающих желаний смерти матери, которые очень скоро превратились в страшные представления, что с матерью дома случится беда. Школа, приближению которой она сначала радовалась, считая ее местом, где дают умность, которая приведет ее к отцу, стала местом страха. Отклонение ею школы усилилось вследствие анального ис-

кушения, которым для пациентки были грязные школьные туалеты. Ее часто рвало в школьном туалете, где дети говорили и творили грязные вещи, рвота избавляла ее — по меньшей мере на время урока — от участия в школьных занятиях.

Если, таким образом, ее глупость была результатом ее обреченных на безнадежность тенденций к любви и ненависти против родителей и брата, то, с другой стороны, она стала важным средством отомстить родителям. Анализ вскрыл бессознательную тенденцию: если по вине матери я стала маленькой глупой девочкой, то мать всю свою жизнь должна мне это возмещать. Матери теперь постоянно приходилось быть рядом с пациенткой, чтобы наверстывать то, что она упустила в раннем детстве. Вследствие несамостоятельности девочки ее нельзя было привлечь ни к какому свершению помощи, ее также перестали наказывать за ее злодеяния, поскольку считалось, что из-за своей тупости она не может нести ответственность. Таким образом, она наслаждалась предпочтением перед братом и сестрой как вторичной выгодой болезни от своей глупости.

Она могла наслаждаться своей глупостью как актом мести также и по отношению к отцу: «Если отец меня отклонил, потому что я была глупа, вместо того чтобы указать мне путь к умности, то я на всю жизнь останусь глупой, даже если отцу будет важно иметь умную дочь». В ее представлении глупость становится средством для того, чтобы совершенно особым способом выразить упрямство по отношению к отцу, в частности, развивая фантазию, будто ее совращают какие-то мужчины: «Если ты не взял меня, потому что я была глупа, то все остальные возьмут меня именно потому, что я глупа». Она опасалась, что мужчины на улице увидят ее глупость и изнасилуют ее. «Ведь только глупых девочек можно

совратить», как услышала она однажды именно от отца. Определенные агорафобические черты служили защите от этой фантазии.

В это организованное развитие глупости между восьмым и десятым годом пациентки еще раз попыталась расстраивающе вмешаться ее сестра, которая была старше на десять лет. Эта очень разумная девушка, очень рано пошедшая своим собственным путем и выбравшая педагогическую профессию, попыталась вырвать маленькую сестру из связанности с семьей, взять ее с собой в молодежный союз, дать ей книги и просветить сексуально. Сестра была единственным человеком в семье, кто был заинтересован в сублимациях ребенка и даже предлагал помощь в сублимации, но именно ей пациентка не могла дать повести себя, и именно с ней она не могла себя идентифицировать. У нее была давняя злоба к сестре, потому что мать в свое время училась и гуляла с ней, тогда как ее саму оставляли служанке: «Ты тогда была любимицей матери, и поэтому ты стала умной, из-за тебя мать не работала обо мне и оставила меня глупой. Теперь я и останусь глупой». Но была еще одна причина, почему она не могла принять помощь сестры: отец злился на сестру именно из-за ее самостоятельности, выражением которой были ранние сексуальные отношения с мужчиной. Следовательно: опасно позволять сестре себя воспитывать, доверять ее умности, перенимать ее идеалы, поскольку вытесненное желание быть любимой отцом тем самым лишалось любой возможности удовлетворения. Тогда между восьмым и десятым годами пациентка подозревала, что свобода, с которой сестра хотела говорить с ней на сексуальные темы, была как-то связана со скверностью сестры, из-за которой гневался на нее отец. Таким образом, она особенно ограждала себя от влияния сестры. Если ее исследование сексуального и тем самым свободное раз-

витие интеллекта вследствие напрасного поиска пениса было заторможено уже в раннем детстве, то теперь, как раз потому что помощь в исследовании сексуального предлагала именно сестра, этот интерес вытеснялся тем сильнее.

Недостаточная способность пациентки мыслить исторически, упорядочивать события по времени, а также ее недостаточная потребность в каузальности восходили к торможению ее сексуального исследования. Когда на одиннадцатом году пациентки умерла при родах ее любимая собака, а мать предприняла попытку суицида, страх сексуального должен был усилиться настолько, что глупости как средства для совладания с желаниями ее влечений уже было недостаточно. Пациентка заболела «состояниями сновидения», в которых она еще больше была предохранена от того, чтобы что-то узнать, чего-то захотеть.

Итак, что мы видим: все объектные отношения построены с самого раннего детства, причем ее конфликты с любовными объектами улажены так, что ей приходится отречься от того, чтобы становиться ради них умной и способной. Из страха перед последствиями ее конкурентных стараний, оттесненных с умственного на зависть к пенису, ей приходится отказаться от стараний стать способной без помощи родителей; из страха перед своими инцестуозными желаниями и агрессивными склонностями ей приходится запретить себе идентификацию с матерью и остаться несамостоятельной, инфантильной; из этого страха и для того, чтобы отомстить родителям, она противится любой коррекции своей глупости со стороны внешнего мира.

Следовательно, глупость стала для пациентки формой улаживания конфликтов с объектами ее любви и ее ревности. Но глупость не могла помочь ей действительно

отречься от родителей, она лишь делала ее еще более зависимой от них соответственно ее бессознательному желанию. Развитие такого исхода имело место в то время, когда ее эдипов комплекс полностью развился, между третьим и седьмым годом жизни. Этот исход — а именно, далеко идущая утрата объекта, — точно является необычным. Он, как мы уже говорили, зависит не только от краха генитальных притязаний влечений, но и предполагает готовность, приобретенную в более раннее, прегенитальное время.

Вклад был бы неполным, если бы мы не попытались изложить также и судьбы прегенитального либидо, следы которого мы, кажется, отчетливо, насколько это позволил несовершенный анализ, увидели в том, как улаживался эдипов комплекс, и в том, каким был результат этого улаживания. По всей вероятности пациентка, как уже было упомянуто, принесла сильные фиксации из своего орального времени. По сообщениям матери, она с большим неудовольствием сосала грудь. Она часто не хотела находить и брать грудь, из-за чего достаточно рано перешли к вскармливанию из бутылочки. Сильные чувства вины матери, ее самообвинения, что ребенок заболел якобы потому, что она мало кормила его сама, позволяют предположить, что не ребенок — или не только он — имел патологическое неудовольствие от сосания, но что и у матери имелось какое-то расстройство.

При вскармливании из бутылочки ребенок хорошо рос. Об ожоге рта, полученном на втором году, девочке известно только из семейных рассказов. Однако она связывает с этим переживанием то, что долгое время у нее был страх перед горячими блюдами. Нужно отметить еще одно болезненное оральное переживание. На третьем году жизни, играя в песочнице, она до крови порезала губы жестяным совочком и очень испугалась текущей крови. Еще в анализе она возлагала ответственность за это пере-

живание на мать. Согласно фальсификации воспоминания, которую мы смогли поправить в дальнейшей работе, не она сама причинила себе этот вред, а мать, давшая ей что-то в рот жестяной ложкой.

В последующее время мать, вероятно, на основании своих чувств вины, не налагала на пациентку никаких непредоставлений в оральной области. Мать даже оказывала содействие ее навязчивому желанию лакомиться. Таким образом, чередовались оральные непредоставления и балования. Самообвинения матери, что она якобы виновна в заболевании ребенка, укрепили пациентку во мнении, что она поглупела по вине матери. Она высказывалась: «Мне недостает молока для мозга, для ума». Предполагаемая пациенткой генитальная ущемленность, таким образом, фактически была регрессивно сгущена с давней оральной ущемленностью. Принятие умственного багажа невозможно не только как перенятие пениса, но и как сосание груди. То, что чувство менееценности пациентки, имевшее реальное обоснование из-за глупости, бессознательно мыслилось как оральное ущемление, следует также из того, что она пыталась сверхкомпенсировать этот недостаток своим навязчивым выпиванием. Спиртные напитки [geistige Getränke¹] должны были дать ей недостающий «ум» [Geist]. Ей, конечно, говорили противоположное, а именно, что от пива она становится глупее, но вследствие пробудившейся между тем потребности в наказании и направленного против родителей упрямства это только усиливало ее склонность к алкоголю. Помимо стремления к умности и к глупости при алкоголизме также было действенным бессознательное представление, будто с мужским напитком, который она

¹ [Слово geistig обозначает как «умственный», так и «спиртной» (по отношению к напиткам).]

пила преимущественно из горла бутылки, она принимает в себя глоток из отцовского пениса, которым она бессознательно хотела превратить себя в мальчика. Прямого запрета пить пиво семья никогда не давала, временами даже казалось, будто отец благоволит этой склонности дочери.

Выраженное неудовольствие от говорения вообще и неспособность к языковому выражению, соразмерному ее возрасту, явно точно так же взаимосвязаны с особенной оральной фиксацией. Но, прежде всего, ее речь оставалась расстроенной потому, что она — в соответствии с магическим мышлением — приравнивала говорение к действию, так что говорение превращалось в вину. С вытеснением агрессии к матери и брату ограничивается также удовольствие от говорения и способность к говорению. Она не должна знать, не должна высказывать, что в ней происходит, потому что иначе ее злые желания придут в исполнение. При поводах, которые могли бы оправдать вспышку ярости, она отваживалась лишь застенчиво сказать: «Мне это не нравится». Сама она причиной недифференцированности своего говорения называла то, что этим хочет охранить себя от себя и мира, не выдать себя, не выдать вину, а также не выдать аффекты, чтобы не разочароваться. Как говорение осталось неразвитым вследствие вытеснения ее агрессии, так и овладение всем умственным. Овладение умственным для бессознательного пациентки является равнозначным закрепленному в ней всеми ступенями развития либидо представлению о насильственном присвоении себе того, чего она была лишена. В конце концов это представление приняло генитальную форму фантазии об отрывании пениса, нашедшей столь отчетливое выражение в ее фантазии о битье.

С торможением агрессии также было взаимосвязано *торможение ребенка в вычислениях*. В фазе, в которой

мы анализировали желания смерти сестре и брату, пациентка в качестве проходящего симптома развила навязчивость к счету, анализ которой хорошо раскрыл нам эту взаимосвязь. При этом навязчивом счете, при котором ей всегда приходилось прибавлять два, ее время от времени расстраивала полная страха мысль «и вычесть один», что вынуждало ее считать заново. Внезапные мысли показали, что прибавление двух представляло собой защиту от желаний смерти двоим: брату и сестре, — тогда как «и вычесть один» изображало прорыв желания устранения соперника-брата, желания, от которого трудно было защититься. Интересным в этой навязчивости к счету, между прочим, было то, что касалась она, прежде всего, пульса и недолгое время также постукивания по клитору. Считая свой пульс, она боролась со страхом быть наказанной смертью за свои садистические импульсы.

Следствием раскрытия такого положения вещей стало немедленное терапевтическое воздействие на торможения в вычислениях. Девочка сразу начала брать дополнительные уроки по своей инициативе и за относительно краткое время заполнила большие пробелы.

Сублимации в анальной области, кажется, отсутствуют. В недостаточном понимании времени и денег мы, возможно, еще можем распознать упрямый отказ ребенка подчиняться заповедям взрослых. Пациентка испытывает сознательное удовольствие от удерживания кала. Аналогично этому удовольствию она также затягивает работы, которые — соразмерно прежнему опыту с тетрадами брата — она трактует как подарки отцу. Хотя именно эта анальная тема до сих пор была недостаточно доступна анализу, пациентка существенно изменилась и в этой области. Так, когда родители отказались платить за анализ, она оплатила его из собственных накоплений.

Анальность испытала регрессивное усиление из-за зависти девочки к пенису. Был краткий период, когда она с наслаждением рассматривала медленно отделяющуюся палку кала и при этом фантазировала, что за этой палкой у нее есть пенис. Наблюдения за братом при дефекации, который по такому случаю похвалился своим пенисом, заставили ее отказаться от таких фантастических радостей, схоже с тем, как она отказалась от работы, когда отец показал ей, что брат может больше, чем она.

Так мы смогли подтвердить наше подозрение, что примечательное, приводящее к глупости улаживание эдипова комплекса зависело от судеб прегенитальных, особенно оральных ступеней развития.

Если теперь мы попытаемся рассмотреть глупость в аспекте недостатка сублимаций, мы придем к точно таким же результатам.

Как показал Фрейд, закат эдипова комплекса и соединенные с ним идентификации с его объектами дают основу для сублимаций, характерных для латентного времени. Возможно, как он однажды предположил, все сублимации, представляющие собой удавшийся компромисс между влечением и Я в смысле десексуализации, восходят к идентификациям¹.

Идентификация с родителями, не позволяющими влечение, представляет собой для ребенка путь отказа от агрессий и инцестуозных желаний, одновременно путь вынесения отречения, поскольку на место недостижимой объектной цели ставится достижимая цель Я. Результатом становится развитие Я в духе желаний, которые предъявлял ребенку изначальный любовный объект, то есть развитие в Я способности к сублимации.

¹ *Freud. Das Ich und das Es. // Ges. Schr. — Bd. VI. — S. 374.*

Способность человека к сублимации определяется не только притязанием влечения, которое должно быть отклонено, но и развитием его Я, которое отчасти выстраивается из влияний интернализированной окружающей среды. Поэтому особенный *недостаток* сублимаций будит подозрение в расстройстве в остальном нормальных идентификаций, а оно опять же, с одной стороны, восходит к поведению родителей во время заката эдипова комплекса, с другой стороны, — к неспособности к нормальному принятию объекта, обусловленной в прегенитальном оральном времени.

Так, Я годовалого ребенка не в состоянии перевести свое анальное удовольствие от пачкания в рисование красками и водой, но четырехлетний ребенок способен на такую сублимацию, если его побуждает к этому его любовный объект или по меньшей мере если любовный объект дает понять, как сильно ему не нравится пачкание и нравится рисование. Таким образом, окружающий мир, не допускающий идентификации во время генитальных конфликтов ребенка, предстает как первая возможность появления расстройства идентификации и недостатка сублимаций.

Пример: у нашей пациентки мы увидели, что в раннем детстве она делала попытки стать такой умной и искусной, как взрослые. Поведение родителей, не интересовавшихся этими сублимациями, подвело ее к тому, чтобы отказаться от них и вернуться к генитальным интересам.

Вторая причина заторможенной способности к идентификации и обусловленной этим способности к сублимации задана неправильным прегенитальным развитием.

На материале этого анализа у меня сложилось впечатление, что виновной в малом удовольствии от принятия в себя чужих влияний могла быть нехватка достаточных

оральных переживаний удовольствия. Абрахам в своих «Трудах по образованию характера» указал, что способность принимать ходы мыслей других людей нужно рассматривать как повторение всасывания материнского молока, как важное преобразование оральной эротики. Но и удовольствие от говорения и способность к языковому выражению Абрахам тоже считает зависящими от оральной эротики. Любознательность, удовольствие от наблюдения получают значительные прибавки из источника оральной эротики¹. Таким образом, исходя из этого, мы также можем подтвердить, что глупость представляет собой обусловленный фиксацией на оральных травмах выход из конфликтов необычно оформленного эдипова комплекса.

Позвольте мне сказать всего несколько слов по всплывающим в этом случае проблемам техники. Интеллект пациентки был так сильно расстроен в начале анализа, что плодотворная совместная работа казалась почти невозможной. К этому добавлялось то, что с самого начала она перенесла на меня свое отношение к сестре, что сделало ее особенно недоверчивой. Пациентку удалось отчасти вырвать из ее тупости, когда я выразила мнение, что ее глупость очень импонирует мне как достойное уважения свершение. Ребенок стал готов к сотрудничеству, после того как почувствовал мою веру в то, что человек, с таким успехом продвинувшийся в области глупости, имеет достаточно сил, чтобы свершить что-то и в других областях, причем что-то, более исполненное удовольствия, чем было прежде.

При большой безнадежности, царившей в жизни этого ребенка, важным прогрессом стало то, что у него

¹ *Abraham. Psychoanalytische Studien zur Charakterbildung. — Int. Psychoanalytischer Verlag, 1924.*

появилось доверие к анализу; это было достигнуто благодаря тому, что я, с одной стороны, не позволила поколебать меня в моем доверии к нему (что, кстати сказать, было весьма непросто сделать по отношению к манифестно дебильному ребенку). При этом я вела себя абсолютно иначе, чем семья, которая, с одной стороны, утешала ребенка: «Ничего, все не так плохо, ты берешь дополнительные уроки», а с другой стороны, давала понять, что «это все бессмысленно». Поскольку я с первой секунды обращалась с ней как с полноценным, способным к самокритике человеком и говорила о ее действительных проблемах, исследовании сексуального и менструации, я действовала противоположно индивидуальному психологу, у которого она одновременно лечилась в первое время. Там она поначалу слышала только: «Если бы каждый при первой трудности вешал нос, сколько было бы висящих носов», что хотя и казалось ей веселым, не могло ее удовлетворить.

Поскольку я особенно подчеркивала мою установку: «Я считаю тебя очень больной, но принимаю тебя как полноценную», стало возможным показать пациентке в более поздний момент времени анализа, когда она начала упрекать меня, будто я в нее не верю и поэтому она ничего не может свершить, что речь идет о *переносе* с родителей.

В детском анализе мы в состоянии дать действенные толкования переноса практически только там, где по отношению к пациенту можем сослаться на то, что вели себя совершенно иначе, чем изначальные объекты. Простой пассивной позиции в детском анализе редко бывает достаточно, чтобы иначе, чем просто интеллектуально, сделать для ребенка очевидным его перенос. В этом, вероятно, находит свое оправдание большая активность в осуществляемой нами технике детского анализа.

Отчетливо демонстрируя свой интерес к малейшим обнаруживаемым в анализе зачаткам сублимации, даже свою радость по этому поводу, не важно, соответствовали ли они возрасту четырехлетнего или двенадцатилетнего ребенка, я наверстала в анализе то, что было фактически упущено родителями в раннем детстве. В этом случае анализу удалось разделить данную часть работы с построенной на современных педагогических принципах школой, в которой ребенок по моему совету переучивался после нескольких месяцев анализа. В этой школе, в которой ее, несмотря на ее неспособность, приняли в сообщество, — дружески дожидаясь и все же выставляя требования, — она увидела расстояние между собой и другими детьми. Вероятно, в любой другой школе, в которой о детях судят по их знаниям, ребенок не развивался бы так хорошо интеллектуально, несмотря на анализ, потому что вследствие ее больших пробелов и непсихологических методов обучения она настолько упала духом, что в лучшем случае смирилась бы с преждевременным прекращением посещения школы; и я полагаю, что такое непредоставление у ребенка со столь сильным честолюбием сильно снизило бы терапевтический успех.

Школа оказала анализу и другого рода помощь. В анализе стало очевидным, что происходящий из сверхбольшой агрессии девочки страх препятствовал ей свободно ассоциировать, вообще что-то рассказывать. Школа, в которой было принято взаимно критиковать свершения и честно говорить с учителями, помогла уменьшить страх пациентки и тем самым облегчила мне задачу соблазнить ее на рассказывание в анализе.

Зная судьбу девочки, мы не удивимся, услышав, что она начала критиковать именно педагогические меры и что с этих пор у нее развился очень сильный интерес к педагогике. В новой школе она слыла у учителей и детей

специалистом по всем педагогическим вопросам. Так, например, ее неоднократно просили выступать с рефератами по педагогическим вопросам перед старшими товарищами, для чего требовалась большая самостоятельная подготовительная работа.

Если сравнить это обстоятельство с описанными вначале симптомами ее глупости, то этим уже отмечается достигнутый терапевтический успех.

Обобщая, хотелось бы еще заметить: тотальное интеллектуальное торможение принципиально равно парциальному постольку, поскольку в обоих случаях избегаются конфликты влечений. Только при тотальном торможении это происходит в несравненно большем объеме, чем при парциальном.

У нашей пациентки глупость была выражением утраты объекта, ею она пыталась избавить себя от неприятных чувственных переживаний с внешними объектами.

Неприятность объяснялась необычно сформированным эдиповым комплексом и связанным с эдиповым комплексом особенно сильным развитием агрессии и импульсов мести родителям. Способ улаживания зависел от неясно просматриваемых расстройств *оральной* фазы. Это соответствует психоаналитическому познанию прегенитальной природы либидо, загружающего мышление. (Два других случая с тяжелым торможением интеллекта примечательным образом демонстрировали тяжелые оральные симптомы, в обоих случаях речь шла о заиках.) В нашем случае речь шла частично о действительном торможении развития, частично о регрессии, ставшей возможной из-за сильных фиксаций. Ответ на вопрос, почему пациентка развила именно торможение интеллекта, а не чувственное торможение, ведь она хотела избежать только чувственных переживаний, звучит так: во-первых, у этой пациентки, как и у второго случая псевдодебиленно-

сти, чувственное торможение тоже было сильно выражено, и, возможно, все псевдодебилы аффективно парализованы, и, во-вторых, мы смогли показать, почему одной чувственной холодности было недостаточно — ведь умственные сублимации были расстроены вследствие оральных повреждений и реального поведения родителей.

Если бы, кроме того, спросили, почему такого рода оральная фиксация с последующей нарцисстической регрессией не привела к развитию психоза, мы должны были бы ответить, что совокупная картина нашей пациентки фактически была не столь далека от психоза, и что ее можно было бы диагностировать только как «нарцисстический невроз с состояниями торможения». Я знаю, что при обобщении обнаруженного в этом случае положения дел нужно быть осмотрительным. Перепроверка других случаев псевдодебильности, надеюсь, выявит, что из этих обнаружений может притязать на более общее значение.

ВКЛАД В ТЕОРИЮ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ТОРМОЖЕНИЯ

(1931)

Мелани Кляйн

Предварительные замечания к публикации

Данный текст был прочитан Кляйн в Британском психоаналитическом обществе 4 марта 1931 года.

Статья непосредственно раскрывает проблему интеллектуального торможения, которая интересовала М. Кляйн и к которой она обращалась ранее в ряде своих работ. Кляйн обращается, исходя из внимания к ранним садистическим проявлениям, к торможению агрессивности как причине интеллектуального торможения. Кроме того, Кляйн показывает два типа страха, возникающих у ребенка, в связи с его садистическими атаками. Это страхи по поводу разрушения материнского тела и страхи, связанные с агрессией, направленной внутрь своего тела. Первые тормозят познавательную активность в отношении внешнего мира, вторые — в отношении самопознания. Ослабление данных страхов в первом случае способствует лучшему восприятию и усвоению знаний, во втором случае — лучшей систематизации и упорядочению получаемых знаний.

Впервые опубликовано в: *Klein, M. A contribution to the theory of intellectual inhibition. // International Journal of Psycho-Analysis. — 1931. — Vol. 12. — P. 206—218.*

Перевод с английского *С.Г. Эжбаевой.*

Я намереваюсь рассмотреть некоторые механизмы интеллектуального торможения и начну с короткого отрывка из психоанализа семилетнего мальчика, связанного с основными моментами двух последовательных аналитических сессий. Невроз мальчика состоял отчасти из невротических симптомов, отчасти из трудностей характера, а также довольно серьезных интеллектуальных торможений. На момент тех двух часов, которые я предлагаю рассмотреть, мальчика лечили уже более двух лет, и полученный материал уже был подвергнут существенному анализу. Постепенно на протяжении данного периода интеллектуальные торможения в целом несколько уменьшились, однако именно за эти два часа стала очевидной связь этого материала с одной из специфических трудностей мальчика, касающихся обучения. Это привело к заметному улучшению в сферах, связанных с его интеллектуальными торможениями.

Мальчик пожаловался мне, что не может отличать друг от друга некоторые французские слова. В школе висела картина с изображением различных предметов, чтобы помочь детям понять слова. Слова были следующие: poulet — цыпленок, poisson — рыба, glace — лед. Всякий раз, когда мальчика спрашивали, что означает какое-либо из этих слов, он неизменно отвечал значением одного из двух других, например, его спрашивали о poisson, он отвечал «лед», о poulet — «рыба» и т. д. Он чувствовал себя довольно беспомощным и отчаявшимся, говоря, что никогда не выучит этих слов и т. д. Я получила данный материал путем обычной ассоциации, когда мальчик беззаботно играл в комнате.

Сначала я попросила его рассказать, о чем его заставляет думать слово poulet. Он лежал на спине на столе, брыкая ногами и рисуя карандашом на листе бумаги. Он думал о лисе, врывающейся в курятник. Я спросила

его, когда это случится, и вместо ответа «Вечером» он сказал: «В четыре часа дня», а я знала, это было время, когда его матери часто не было дома. «Лиса врывается и убивает маленького цыпленка», — говоря это, он разрезал то, что нарисовал. Я спросила его, что он разрезал, он ответил: «Я не знаю». Когда мы посмотрели, это был дом, от которого он отрезал крышу. Он сказал, что это был путь, которым лиса попала в дом. Мальчик осознал, что лисой был он сам, цыпленком — его младший брат, а время, когда лиса ворвалась в дом, было временем, когда мать отсутствовала.

Мы уже проделали большую работу в связи с его сильными агрессивными импульсами и фантазиями о нападении на младшего брата внутри матери во время ее беременности и после его рождения, которые присутствовали наряду с очень тяжелым грузом чувства вины по отношению к матери и брату¹. Сейчас этому брату почти четыре года. Когда он был младенцем, для моего пациента Джона было ужасным соблазном оставаться наедине с ним хотя бы на минуту, и даже сейчас, когда матери нет дома, мы видим, что его желания все еще сильны. Отчасти это было обусловлено его чрезмерной ревностью к младенцу, наслаждающемуся грудью матери.

Я спросила его о poisson, он стал брыкаться сильнее, тыкать ножницами возле глаз, пытаясь отрезать волосы, так что мне пришлось попросить его отдать ножницы. Он ответил о poisson, что жареная рыба очень вкусна, и он ее любит. Он снова начал рисовать, на этот раз гидросамолет и лодку. Я не смогла получить никаких других ассоциаций к слову «рыба» и перешла к слову

¹ Эти тенденции в отношении младшего брата в немалой степени способствовали нарушению отношений со старшим братом, который был на четыре года старше Джона и у которого, как он предполагал, существовали подобные намерения в отношении его самого.

«лед». На это он сказал: «Большой кусок льда, хороший и белый, он становится сначала розовым, потом красным». Я спросила, почему так происходит, и мальчик ответил: «Он тает». — «Как это?» — «Солнце светило на него». В этот момент он сильно разволновался, и я не смогла больше ничего добиться. Он вырезал лодку и гидросамолет и пытался понять, будут ли они плавать в воде.

На следующий день Джон проявил страх и сказал, что видел плохой сон. «Рыба была крабом. Мальчик стоял на причале на берегу, где часто бывал с матерью. Ему надлежало убить огромного краба, вышедшего из воды на причал. Он выстрелил в него из маленького пистолета и убил его мечом, что было не очень эффективно. Как только он убил этого краба, ему пришлось еще и еще убивать крабов, которые продолжали выходить из воды». Я спросила его, почему он должен был делать это, и он ответил, чтобы остановить их приход в мир, потому что они уничтожат весь мир. Как только мы начали говорить об этом сновидении, он принял ту же позу на столе, что и вчера, и брыкал ногами сильнее, чем когда-либо. Тогда я спросила его, почему он брыкает ногами, он ответил: «Я лежу на воде, и вокруг меня крабы». Вчерашние ножницы представляли крабов, щипающих и режущих его, и поэтому он нарисовал лодку и гидросамолет, в которых можно убежать от них. Я сказала, что он же был на причале, и он ответил: «О, да, но я давно упал в воду». Больше всего крабы хотели проникнуть в напоминающий дом кусок мяса, лежащий на воде. Это была баранина, его любимое мясо. Мальчик сказал, что крабы еще не были внутри, но могут проникнуть туда через двери и окна. Вся сцена на воде происходила внутри его матери — мира. Мясо-дом представлял и его, и ее тело. Крабы означали пенис его отца, и их было огромное множество. Они были

большие, как слоны, черные снаружи, красные изнутри. Они были черными, потому что кто-то сделал их черными, поэтому и в воде все стало черным. Крабы попали в воду с другого берега моря. Их поместил туда тот, кто хотел, чтобы вода стала черной. Оказалось, что крабы означали не только пенис его отца, но и его собственные фекалии. Один из них был не больше омара, красный изнутри и снаружи. Он представлял его собственный пенис. Также было много материала, демонстрирующего, что мальчик отождествляет свои фекалии с опасными животными, которые могут по его приказу (по волшебству) проникнуть в тело матери, повредить и отравить и ее, и пенис его отца.

Думаю, этот материал проливает свет на теорию паранойи. Здесь я могу сослаться на этот момент очень кратко, но мы знаем, что ван Офуйсен¹ и Штэрке² относили «преследователя» к бессознательной идее параноика о собственном фрагментарном кале в своем кишечнике, который отождествляется с пенисом его преследователя. Анализ многих детей и взрослых, как и рассматриваемый здесь случай, навел меня на мысль о том, что боязнь человеком собственных фекалий как преследователей в конечном итоге исходит из его собственных садистических фантазий, в которых он использует мочу и фекалии как ядовитое разрушительное оружие в атаках на тело матери. В этих фантазиях он превращает свои фекалии в предметы, преследующие его объекты, и при помощи волшебства (которое, по моему мнению, является основной черной магии) тайно проталкивает их в анус и другие отверстия объектов и размещает внутри их тел. Проче-

¹ *Ophuijsen, van J.H.W.* On the Origin of the Feeling of Persecution. // I. J. PA. — 1920. — Vol. 1. — P. 235–239.

² *Stärcke, A.* Die Umkehrung des Libidovorzeichens beim Verfolgungswahn. // I. Z. P. — 1919. — Bd. 5. — S. 285–287.

лав это, он начинает бояться собственных экскрементов как вещества опасного и вредящего его собственному телу, также он начинает бояться экскрементов, интроецированных в него, бояться своих объектов, так как ожидает, что последние совершают подобные тайные атаки при помощи своих опасных фекалий. Эта боязнь вызывает ужас перед преследователями внутри своего тела и опасение быть отравленным, а также развивает ипохондрическую боязнь. Точка фиксации паранойи, я думаю, располагается в том периоде фазы, когда садизм находится на пике совершения ребенком атак на внутреннюю часть матери и пенис отца, который, по его предположению, присутствует там, при помощи фекалий, превращенных в ядовитых и опасных животных или вещества¹.

Поскольку в результате своих уретрально-садистических импульсов ребенок рассматривает мочу как нечто опасное, жгущее, режущее и отравляющее, у него уже готов способ думать о пенисе как о садистическом и опасном предмете. И его фантазии о фрагментарном

¹ См. мою работу «Значение символообразования в развитии Я» (1930а). Выдвинутый взгляд согласуется с теорией Абрахама, согласно которой либидо параноиков регрессировало на более раннюю анальную стадию, так как фаза развития, на которой садизм достигает пика, по моему мнению, начинается с появлением орально-садистических инстинктов и заканчивается угасанием более ранней анальной стадии. Поэтому период вышеописанной фазы, который, на мой взгляд, формирует основу паранойи, протекает во время преобладания ранней анальной стадии. Таким образом, теория Абрахама может быть расширена в двух направлениях. Во-первых, мы видим, насколько интенсивна кооперация различных инструментов садизма ребенка на этой фазе и, особенно, какое огромное значение придается, помимо его орального садизма, его до сих пор мало признанным уретрально-садистическим тенденциям в усилении и усложнении анально-садистических тенденций. Во-вторых, мы получаем более детальное понимание структуры тех фантазий, в которых находят отражение его анально-садистические импульсы, принадлежащие к более ранней стадии.

кале как преследователе — фантазии, сформированные под влиянием анально-садистических тенденций и, насколько можно понять, предшествующие идеям о пенисе как о преследователе, тяготеют к тому же направлению — в силу того, что он приравнивает кусочки кала и пенис. В результате такого уравнивания опасные свойства фекалий способствуют усилению опасного садистического качества пениса и преследуемого объекта, отождествляемого с ними.

В данном случае крабы символизируют комбинацию опасных фекалий и пениса мальчика и его отца. В то же самое время мальчик чувствует ответственность за использование всех этих инструментов и источников деструкции, поскольку именно эти его садистические желания, направленные против совокупляющихся родителей, превратили пенис отца и экскременты в опасных животных с тем, чтобы отец и мать разрушили друг друга. В воображении Джон также атаковал пенис отца собственными фекалиями и таким образом действовал более опасным способом, чем ранее, и поместил свои опасные фекалии в тело матери.

Я спросила его о glase (лед), он начал говорить о стекле, подошел к крану и выпил стакан воды. Он сказал, что это ячменная вода — которую он любит, — и заговорил о стакане, из которого выломаны маленькие кусочки, имея в виду граненое стекло. Он сказал, что солнце испортило стакан так же, как испортило большую глыбу льда, о которой он говорил вчера. «Оно выстрелило в стакан, — сказал он, — и испортило и ячменную воду». Когда я спросила, как оно выстрелило в стакан, он ответил: «Своим теплом».

Рассказывая это, он выбрал желтый карандаш из нескольких, лежавших перед ним, и начал ставить точки на листке бумаги, а затем стал проделывать в нем дырки,

пока, наконец, не превратил его в ключья. Потом он начал резать карандаш ножом, срезая с него желтую «рубашку». Желтый карандаш означал солнце, символизировавшее его собственный обжигающий пенис и мочу. (Также слово «солнце» путем вербальной ассоциации обозначало и его самого, «сына»¹.) Много раз на аналитических сеансах он сжигал кусочки бумаги, спичечные коробки и спички, одновременно или поочередно с этим разрывая их или наливая на них воду, окуная в воду или разрезая их на кусочки. Эти предметы символизировали грудь матери или всю ее личность. Также он часто ломал неваляшки в игровой комнате. Они обозначали грудь матери и пенис отца.

У солнца было и дополнительное значение садистического пениса отца. Когда Джон резал карандаш, он произнес слово, которое, как оказалось, было образовано из слова «идти» и имени его отца. Таким образом, стакан разрушался и сыном, и отцом, он символизировал грудь, а ячменная вода — молоко. Большая глыба льда того же размера, что и дом из мяса, представляла тело матери, она растаяла и разрушилась от тепла его собственного пениса и мочи, а также от тепла пениса и мочи отца, а когда глыба стала малиновой, это символизировало кровь раненой матери.

Джон показал мне рождественскую открытку с бульдогом и мертвым цыпленком, которого тот, очевидно, убил. И тот, и другой были выкрашены в коричневый цвет. Он сказал: «Я знаю, они все одинаковые: цыпленок, лед, стекло и крабы». Я спросила, почему все они одинаковые, и он ответил: «Потому что они все коричневые, сломанные и мертвые». Вот почему он не мог различать

¹ [В английском языке слово «солнце» (sun) и «сын» (son) звучат одинаково.]

эти предметы, потому что все они мертвы, он убил всех крабов, а цыпленок, олицетворяющий младенцев, и лед и стекло, олицетворяющие мать, запачканы и ранены или тоже убиты.

После этого он тут же начал рисовать параллельные линии, то расширяющиеся, то сужающиеся. Это самый явный из возможных символов вагины. Затем он поставил на них маленький паровозик и пустил его по линиям к станции. Мальчик был совершенно спокоен и счастлив. Теперь он чувствовал, что может символически вступить в половые отношения с матерью, в то время как до анализа ее тело было для него местом ужасов. Представляется, что данный факт демонстрирует то, чему мы видим подтверждение в психоанализе каждого мужчины, — его опасение женского тела как места, полного деструкции, может быть одной из основных причин ослабленной потенции. Однако этот страх — также основной фактор торможений жажды знаний, поскольку внутренняя часть тела матери — первый объект данного импульса. В фантазии оно обследуется и изучается, наряду с этим подвергается нападениям при помощи всего садистического арсенала, включая пенис как опасное наступательное оружие, и это иная причина последующей импотенции у мужчин: в бессознательном проникновение и исследование в значительной степени синонимичны. По этой причине после анализа страха Джона, касающегося его собственного садистического пениса и садистического пениса его отца — прокалывающий желтый карандаш приравнивается к обжигающему солнцу, — он стал гораздо более способным представить, что он имеет символический коитус с матерью и изучает ее тело. На следующий день в школе он внимательно и с интересом смотрел на картинку на стене и легко мог отличать слова друг от друга.

Дж. Стрейчи¹ показал, что чтение имеет бессознательное значение забирать знания из тела матери и боязнь ограбить ее является важным фактором торможений при чтении. Я хотела бы добавить, что для благоприятного развития жажды знаний ребенку необходимо чувствовать, что телу матери хорошо, что оно неврединно. В бессознательном тело символизирует сокровищницу, хранящую все, что только можно пожелать добыть оттуда, поэтому, если оно не разрушено, не находится в сильной опасности и потому само не настолько опасно, значительно легче осуществлять желание получить пищу для ума.

Описывая сражение, которое Джон в фантазии вел внутри тела матери пенисами отца (крабами), в сущности, их стаей, я указала, что дом из мяса, в который крабы, очевидно, не пробрались и проникновению в который Джон пытался помешать, символизировал внутреннюю часть не только матери, но и его самого. Здесь его защиты против страха были выражены тщательно продуманными перемещениями и превращениями. Сначала то, что он ел, было вкусной жареной рыбой. Затем она превратилась в краба. В первой версии о крабе он стоял на причале и старался не дать крабам выползти из воды. Однако оказалось, что на самом деле он чувствовал, будто лежит на воде и там — внутри матери — находится во власти отца. В этой версии он еще пытался придерживаться мысли, что не позволяет крабам проникнуть в дом из мяса, но самое серьезное его опасение заключалось в том, что крабы уже проникли в дом и разрушают его и должны быть вытеснены его усилиями. И море, и дом из мяса представляли тело его матери.

¹ *Strachey, J. Some Unconscious Factors in Reading. // I. J. PA. — 1930. — Vol. 11. — P. 322–331.*

Сейчас я должна указать еще один источник страха, тесно связанный с идеей о разрушении матери, и должна показать, как он влияет на интеллектуальные торможения и нарушения в Я-развитии. Данный источник связан с тем, что дом из мяса — это не только тело матери, но и его собственное тело. Здесь мы имеем репрезентацию ранних ситуаций страха, возникающих у обоих полов из орально-садистического импульса сожрать содержимое тела матери и особенно пенисы, которые, как воображается, находятся внутри него. Пенис отца, который с оральной точки зрения сосания приравнивается к груди и поэтому становится объектом желания¹, и таким образом инкорпорируется и в фантазии мальчика, вследствие садистических атак на него, сам быстро превращается во вселяющего ужас внутреннего агрессора и теперь приравнивается к опасным, смертоносным животным или оружию. С моей точки зрения, именно интроецированный пенис отца формирует зерно отцовского Сверх-Я.

Пример случая Джона показывает: а) что он ожидает и представляет себе, что деструкция, осуществленная в его воображении в теле матери, произошла и в его собственном теле; б) как переживается опасение атак на внутреннюю часть его собственного тела интернализованными пенисами отца и фекалиями.

Как чрезмерный страх по поводу осуществленной в теле матери деструкции затормаживает способность получать любое четкое представление о его содержимом, так и страх по поводу ужасных и опасных вещей, происходящих внутри собственного тела, может подавить любое изучение, и это снова является фактором интеллектуаль-

¹ Это демонстрируется его ассоциацией с вкусной жареной рыбой, которую он любит.

ного торможения¹. Вот иллюстрация этому из случая Джона: на следующий день после анализа сновидения с крабами, то есть в день, когда он неожиданно понял, что может различать французские слова, Джон начал сеанс, сказав: «Я наведу порядок в своем ящике». Это был ящик, в котором он хранил игрушки, используемые им в анализе, на протяжении месяцев он сбрасывал туда всевозможный мусор: клочки бумаги, липкие от клея вещи, кусочки мыла, обрывки веревки и т. д., он никогда не мог решиться прибратся там.

Теперь же он рассортировал все содержимое и выбросил бесполезные или сломанные предметы. Дома в тот же день он обнаружил в ящике авторучку, которую не мог найти несколько месяцев. Таким образом он символически заглянул в тело матери, вернул его в прежнее состояние, а также снова обрел свой пенис. Но ящик также олицетворял его собственное тело, и его менее заторможенный импульс ознакомиться с содержимым ящика, как показал ход анализа, нашел отражение в значительно большем сотрудничестве с его стороны в аналитической работе и более глубоком понимании своих трудностей.

¹ В статье, появившейся несколько лет назад («Ранний анализ» [1923b]), я обсуждала особую форму торможения способности развивать картину внутренней части тела матери с его специфическими функциями зачатия, беременности и рождения, а именно: нарушение чувства ориентации и интереса к географии. Однако затем я указала, что результат такого торможения может заходить значительно дальше и оказывать влияние на всю установку по отношению к внешнему миру и ослаблять ориентацию и в ее самом широком и наиболее метафорическом смысле. Дальнейшее исследование показало, что это торможение обусловлено боязнью тела матери вследствие садистических атак на него, и также продемонстрировало, что ранние садистические фантазии о теле матери и способность успешно проработать их формируют мост к объектным отношениям и адаптации к реальности, таким образом оказывая фундаментальное влияние на последующее отношение субъекта к внешнему миру.

Более глубокое понимание — результат прогресса в развитии его Я, который последовал именно из этой части анализа его угрожающего Сверх-Я, так как, насколько нам известно из нашего опыта с детьми, особенно маленькими, анализ ранних стадий формирования Сверх-Я способствует развитию Я за счет уменьшения садизма Сверх-Я и Оно.

Однако в дополнение к данному факту здесь я хотела бы привлечь внимание к связи, которую можно вновь и вновь наблюдать в анализе — связи между ослаблением страха со стороны Я в отношении Сверх-Я и возросшей способностью ребенка знакомиться с собственными интрапсихическими процессами и более разумно контролировать их с помощью Я. В данном примере уборка символизировала обследование интрапсихической реальности. Когда Джон прибирался в ящике, он приводил в порядок собственное тело, отделяя свое имущество от предметов, похищенных им из тела матери, а также отделяя «плохие» фекалии от «хороших», «плохие» предметы от «хороших». Делая это, Джон отнес сломанные, поврежденные и грязные вещи к «плохому» объекту, «плохим» фекалиям и «плохим» детям, в соответствии с работой бессознательного, в котором поврежденный предмет становится «плохим» и опасным.

Тем, что Джон смог сейчас исследовать различные предметы и понять, какую пользу можно из них извлечь либо как они были повреждены и т. п., он показал, что осмеливается встретиться лицом к лицу с воображаемым опустошением, созданным его Сверх-Я и Оно, то есть мальчик осуществлял тестирование реальности. Это дало возможность его Я лучше функционировать при принятии решений о том, для чего можно использовать вещи, можно ли их починить или их следует выбросить и т. д., в то же самое время его Сверх-Я и Оно были приведены

в состояние гармонии, поэтому более сильному Я справиться с ними стало легче.

В этой связи я хотела бы еще раз вернуться к факту обнаружения авторучки. До сих пор мы интерпретировали данный факт в том смысле, что боязнь деструктивных и опасных качеств своего пениса — в конечном итоге его садизм — уменьшился и мальчик получил возможность осознать владение таким органом.

Данная линия интерпретации открывает нам основные причины сексуальной потенции, а также инстинкта знания, поскольку узнавать вещи и проникать в них — виды деятельности, которые в бессознательном уравниваются. Вдобавок к этому потенция у мужчин (или, в случае маленького мальчика, психологические условия для нее) — основа развития множества видов деятельности, творческих интересов и способностей.

Однако — и это то, что я хочу установить, — такое развитие тесно связано с тем, что пенис стал репрезентантом Я личности. На самых ранних стадиях жизни мальчик воспринимает свой пенис как исполнительный орган садизма, и, следовательно, он становится средством первичных переживаний всемогущества. По этой причине и ввиду того, что пенис, будучи внешним органом, может быть изучен и его существование может быть засвидетельствовано различными способами, он принимает значение Я мальчика, его Я-функций и его сознания, в то время как интернализированный и невидимый пенис отца — его Сверх-Я, — о котором он не может ничего знать, становится репрезентантом его бессознательного. Если у ребенка боязнь Сверх-Я и Оно слишком сильна, он не только не сможет узнавать о содержимом своего тела и своих психических процессах, но и не будет способен использовать пенис в психологическом аспекте в качестве регулирующего и исполнительного органа Я, так

что его Я-функции подвергнутся торможению в этих же направлениях.

В случае Джона обнаружение авторучки означало не только признание мальчиком существования у себя пениса и гордости и удовольствия, которое он находил в нем, но и осознание существования собственного Я — установка, отразившаяся в дальнейшем прогрессе развития его Я и усилении Я-функций, а также в уменьшении силы Сверх-Я, которое до сих пор доминировало над ситуацией.

Подводя итог сказанному: тогда как способность Джона представить состояние внутренней части *тела матери* привела к лучшей способности понимать и оценивать внешний мир, уменьшение торможения в отношении знания внутренней части *собственного тела* в то же самое время привело к более глубокому пониманию и лучшему контролю над собственными психическими процессами, он смог прибраться и навести порядок в своей психике. Результат первой — возросшая способность усваивать знания, вторая влечет за собой лучшую способность разрабатывать, систематизировать и устанавливать соотношения между полученными знаниями, а также воспроизводить их, то есть возвращать, формулировать или выражать их — прогресс в развитии Я. Эти две фундаментальные составляющие страха (касающегося тела матери и собственного тела) обуславливают друг друга и во всем влияют друг на друга, в то же самое время большая свобода обеих функций интроекции и экстраекции (или проекции), вытекающая из ослабления страха, исходящего из этих источников, позволяет использовать данные функции более подходящим и менее компульсивным способом.

Однако когда Сверх-Я осуществляет слишком обширное господство над Я, последнее, часто пытаясь сохранить

контроль над Оно и интернализированными объектами путем вытеснения, изолируется от влияний внешнего мира и его объектов, таким образом лишая себя всех источников стимулов (как от Оно, так и от внешних источников), которые сформировали бы основу интересов и достижений Я.

В случаях, когда значение реальности и реальных объектов как отражений пугающего внутреннего мира и образов сохранило преимущество, стимулы внешнего мира могут переживаться почти столь же устрашающими, как фантазируемое господство интернализированных объектов, захвативших всю инициативу, которым Я, как оно чувствует, компульсивно обязано уступить выполнение всех видов деятельности и интеллектуальных операций, конечно, вместе с ответственностью за них. В определенных случаях серьезные торможения, касающиеся обучения, объединяются с сильным общим упрямством, необучаемостью и установкой знать лучше, в таком случае я обнаружила, что Я чувствует себя угнетенным и парализованным, с одной стороны, влияниями Сверх-Я, которое оно считает деспотичным и опасным, с другой стороны, недоверием признавать влияния реальных объектов часто потому, что они переживаются как находящиеся в полной противоположности требованиям Сверх-Я, но чаще постольку, поскольку они слишком тесно отождествляются с пугающими внутренними объектами. В таком случае Я пытается (путем проекции на внешний мир) продемонстрировать независимость от образов, восставая против всех влияний, исходящих от *реальных объектов*. Степень уменьшения садизма, страха и действия Сверх-Я, которая может быть достигнута так, чтобы Я приобрело более широкую основу функционирования, определяет степень улучшения открытости пациента влиянию внешнего мира наряду

с постепенным разрешением его интеллектуальных торможений.

Мы увидели, что обсуждаемые механизмы приводят к определенным видам интеллектуальных торможений. Но когда они являются частью клинической картины, они приобретают характер психотических черт. Мы уже знаем, что боязнь Джоном крабов как преследователей, находящимися внутри него, носит параноидный характер. Кроме того, эта его страх побудил его изолироваться от внешних воздействий, объектов и внешней реальности — состояние психики, которое мы считаем одним из симптомов психотического нарушения, хотя в данном примере основной результат — снижение интеллектуальных способностей пациента. Но то, что даже в случаях, подобных этому, действие таких механизмов не ограничивается продуцированием интеллектуальных торможений, видно из больших изменений, протекающих во всей личности и в ее характере, не менее чем в уменьшении невротических черт, которое можно наблюдать по мере продвижения анализа, особенно, если пациент — ребенок или молодой человек.

У Джона, к примеру, я смогла установить факт, что явные боязливость, скрытность и лживость, а также сильное недоверие всему — особенности, которые были частью его психической натуры, совершенно исчезли в ходе анализа, и его характер, и развитие его Я сильно изменились к лучшему. В его случае параноидные черты видоизменились в определенные искажения характера и интеллектуальные торможения, но они также, как подтвердил этот случай, привели к ряду невротических симптомов.

Здесь упомяну еще об одном-двух механизмах интеллектуального торможения, на этот раз определенно навязчиво-невротического характера, которые являются

результатом интенсивного действия ранних ситуаций страха. В чередовании с вышеописанным видом торможения мы иногда наблюдаем крайне противоположный результат — стремление принять все, что предлагается, наряду с неспособностью отграничивать ценное от бесполезного. В нескольких случаях я заметила, что данные механизмы начинают устанавливаться и их влияние становится ощутимым, когда анализ имеет успех в уменьшении действия только что обсуждавшихся механизмов психотического типа. Этот аппетит к пище для ума, пришедший на смену предшествующей неспособности принимать что-либо, сопровождался другими импульсами навязчивости, в особенности желанием коллекционировать предметы и скапливать их, а также соответствующими компульсиями раздавать вещи без разбора, то есть выбрасывать их. Навязчивое принятие такого рода часто сопровождается переживанием пустоты в теле, обеднения и т. д. — ощущение, которое было очень сильно у моего пациента Джона, — и основывается на детском страхе, исходящем из самых глубоких уровней психики, что его внутренняя часть разрушена или наполнена «плохими», опасными субстанциями, что она бедна или испытывает недостаток в «хороших» субстанциях. Этот вызывающий страх материал более сильную трансформацию и изменение претерпевает от механизмов навязчивости, нежели от психотических механизмов.

Мои наблюдения данного случая, а также случаев других навязчивых невротиков привели меня к определенным выводам об особых механизмах навязчивости, касающихся явления интеллектуального торможения, интересующего нас в настоящий момент. Перед тем как вкратце сформулировать эти выводы, позвольте сказать, что, по моему мнению, поскольку детали я изложу кратко,

механизмы навязчивости и симптомы в целом служат цели связывания, видоизменения и отражения страха, принадлежащего самым ранним уровням психики, так что неврозы навязчивости основываются на страхе первых ситуаций опасности.

Возвращаясь к вопросу, полагаю, что компульсивное, почти жадное, коллекционирование и накапливание вещей ребенком (включая знания как субстанцию) основано в числе других факторов, которые необходимо здесь упомянуть, на его вновь возрожденной попытке: а) захватить «хорошие» субстанции и объекты (в конечном итоге «хорошее» молоко, «хорошие» фекалии, «хороший» пенис и «хороших» детей) и с их помощью парализовать действие «плохих» объектов и субстанций внутри его тела; б) накопить достаточные запасы внутри себя, чтобы суметь противостоять атакам, совершаемым на него внешними объектами и, если будет необходимо, вернуть телу матери или, скорее, его объектам то, что он похитил у них. Поскольку его попыткам сделать это посредством навязчивых действий непрерывно мешают приступы страха, исходящего из многих контристочников (например, из его сомнения, действительно ли «хорошо» то, что он только что принял, или действительно ли «плоха» та часть внутри него, которую он выбросил, или из его боязни, что, помещая в себя больше материала, он еще раз становится виновным в ограблении тела матери), мы можем понять, почему повторять эти попытки — постоянная обязанность, и как это обязательство отчасти ответственно за компульсивный характер его поведения.

В данном случае мы увидели, как пропорционально уменьшению влияния жестокого фантастического Сверх-Я ребенка (в конечном итоге его садизм) потеряли эффективность признанные нами психотическими

механизмы, вызвавшие интеллектуальные торможения. Такое уменьшение суровости Сверх-Я, как мне кажется, ослабило также и механизмы интеллектуального торможения навязчиво-невротического типа. Если это так, то это показывает, что наличие чрезмерно сильных ранних ситуаций страха и преобладание угрожающего Сверх-Я, исходящее из первых стадий его формирования, являются основными факторами не только в генезисе психозов¹, но и в продуцировании нарушений в развитии Я и интеллектуальных торможений.

¹ Для описания этой теории ср. мои статьи «Персонализация в игре детей» (1929а) и «Значение символического образования в развитии Я» (1930а), а также работу «Психоанализ детей» (1932b).

К ПРОБЛЕМАТИКЕ ПСЕВДОДЕБИЛЬНОСТИ

(1932)

Эдмунд Берглер

Предварительные замечания к публикации

Публикуемая статья описывает случай псевдодебильности, с которым работал автор. Выделяется ряд закономерностей интеллектуального торможения и его связи с психосексуальными корнями.

Впервые опубликовано в: *Bergler, E. Zur Problematik der Pseudodebilität. // Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse. — 1932. — Bd. XVIII. — Heft 4. — S. 528–538.*

Перевод с немецкого *М.М. Бочкарёвой.*

В отличие от довольно многочисленной психоаналитической литературы по проблеме парциальных интеллектуальных торможений¹, о проблеме псевдодебиль-

¹ Фрейд (прежде всего, в «Торможении, симптоме и страхе»), Айхорн, Радо, Лафорг, Кляйн, Тамм, Цуллигер (точные литературные данные в Berta Bornstein: “Zur Psychogenese der Pseudodebilität”, *Int. Ztschr. f. PsA.* 1930. S. 378). С тех пор помимо прочего вышел специальный выпуск «Интеллектуальные торможения» [*Intellektuelle Hemmungen*] журнала “*Ztschr. f. psychoanalytische Pädagogik*”. 1930. S. 393ff. Подробное обобщение дает статья Федерна («Психоаналитическая трактовка “интеллектуального торможения”»).

ности существует всего две работы: одна у Ландауэра (*Landauer. Zur psychosexuellen Genese der Dummheit. Almanach. 1930. P. 157ff.*) и одна у Б. Борнштейн. Работа Ландауэра написана обще и, к сожалению, не содержит казуистики. Берта Борнштейн приводит необычайно интересный анализ псевдодебильной девочки двенадцати с половиной лет, высказывает предположение, что решающую роль играют *оральные элементы*, и говорит, что «способ улаживания зависел от *неясно просматриваемых* расстройств оральной фазы». Первое указание на значение оральности для интеллектуальной сферы исходит от Абрахама (см. *Abraham. Psychoanal. Studien zur Charakterentwicklung. P. 49*).

Я уже два года анализирую одного пациента с псевдодебильностью, он владеет совместно с матерью *продуктовым магазином* с примыкающей переработкой продуктов питания и у него очень ясно проявляется *оральный* генез заболевания. Пациент родом из провинциального города, в начале анализа ему было 23 ½ года, и у него были настолько большие трудности в *интеллектуальной, производственно-технической, сексуальной и семейной* области, что он — спонтанно — решил пройти анализ. После смерти отца, произошедшей несколько лет назад, пациент официально значился управляющим на предприятии своей матери. В действительности он вообще не занимался о предприятии, пускал все на самотек, работал, будто работник физического труда, в строго уединенной каморке, избегал даже просто разговаривать с рабочими, был неспособен дать малейшее поручение, краснел, как мальчишка, и терял голову, если ему задавали вопрос. Если в виде исключения ему приходилось помогать при продаже, он не мог произвести простейших вычислительных операций, постоянно ошибался в убыток матери, прямо отговаривал клиентов от более крупных покупок

(например, когда кто-то просил буханку хлеба, он говорил: «Вот тут есть поменьше», только чтобы препятствовать клиенту купить более крупную буханку), при налоговых проверках вел себя совершенно апатично, незаинтересованно и на все вопросы чиновника отвечал: «Это меня не касается! Откуда мне знать?») Мать и служащие считали пациента «идиотом», умственно отсталым человеком. («Он разыгрывает из себя идиота», — говорила мать.) Простую и второстепенную работу, которую он выполнял, он делал по привычке, там тоже временами случались расстройства.

Сексуальные расстройства были следующими: с «приличными девушками», под которыми он понимал всех женщин за исключением проституток, он был эрективно, эякулятивно и оргастически *импотентен*. Он неоднократно завязывал отношения. «Если мне везло, я мог вступить в сношение, чаще всего — нет». По отношению к девушкам он был застенчив, боязлив и не решался сказать о своих желаниях. С проститутками он вел себя как человек с *мазохистической перверсией*. Он говорил публичной женщине, что она может делать с ним все, что хочет, и, вероятно тоже застенчиво, намекал на свои желания куннилингуса¹. Если эти девушки приказывали ему коитус, он был potentен. Особенным раздражителем для него было, когда девушки говорили о сексе обценными словами. «Надо, чтобы эти девки говорили прямо по-свински». Он очень любил, лежа под девушкой, попросить ее помочиться на него, и пил ее урину.

Самые большие трудности были у него в *отношениях с матерью*. Мать была решительной, сверхэнергичной и все же психически слабой женщиной, у которой брань,

¹ То, что он не всегда и недостаточно отчетливо мог это сказать, было для пациента одним из сильнейших мотивов обратиться к аналитику.

ор, приступы ярости и судорожный плач были в рас-
порядке дня. Она очень волновалась из-за «неудавшегося
мальчишки», пыталась привить ему «разум» строгостью,
достигая лишь того, что пациент совсем ломался или, как
бы то ни было, очень редко, у него начинались присту-
пы ярости. Официально пациент ненавидел свою мать,
упрекал ее в отсутствии любви, отсутствии интереса,
равнодушии и т. д. «Она ни гроша не хочет на меня по-
тратить, каждого гроша ей жаль, но зато для других...»
Сознательно для него было мучительным просить у мате-
ри денег. «Я лучше откушу себе язык, чем попрошу у нее
денег». Однако он выступал перед матерью необычайно
требовательно, причем регулярным воздействием его
требований было то, что мать возбужденно упрекала его
в том, во сколько он ей обходится, на что пациент очень
обижался — «Слова о деньгах меня сразу убили» —
и мазохистически сильно наслаждался отвержением.
При этом мать была крайне непоследовательна в своих
непредоставлениях: после облигаторного скандала па-
циент регулярно получал желаемое, причем мать требо-
вала и взыскивала подобострастное «большое спасибо».
Мать вообще — бессознательно — имела необычайное
стремление *обращаться с пациентом как с ребенком*
и поддерживать его в детской ситуации несамостоя-
тельности, непрерывно браня эту несамостоятельность
пациента. — *Пассивность* пациента — прежде всего,
по отношению к матери, — прямо граничила с гротеск-
ным. Он дрожал перед ней, во время конфликтов засты-
вал, словно загипнотизированный, в неподвижной позе,
не мог обороняться, даже если упреки были притянуты
за уши. За такими выступлениями следовали тяжелые
чувства вины, оттого что он слишком мало свершает,
и сильные импульсы мести. «Поделом матери, чем хуже
дела в магазине, тем больше я рад». Мысль, что мать могла

бы гордиться его свершениями, могла бы им хвалиться, приводила его в бешенство: «Я скорее сдохну, чем дам ей возможность гордиться мной. Я бы умер со стыда, если бы был активным»¹. — Напротив, пациент в любое время готов был оказать матери какую-то любезность при условии, что она не узнает, что это сделал *он*. Все увещевания со стороны матери и родственников, чтобы он больше заботился о магазине и практически заменил отца, пациент отклонял упорным молчанием и с тяжелейшими внутренними самоупреками. Если мать слишком наседала на него, он сбегал в аргументацию: «Ты же знаешь, что я тупой».

Отец пациента был недовольным, постоянно ворчливым человеком, не очень любившим детей, пациента и его старшую сестру-погодку, которая в детстве долго страдала детским параличом; он чувствовал себя несчастным в браке, ненавидел свою профессию и обозначал время несения военной службы, когда он несколько лет провел на фронте, как прекраснейшую эпоху его жизни. Отец очень страдал от «глупости» пациента, отчетливо проявившейся уже очень рано, в первом классе народной школы. После краткой попытки «отговорить»² пациента от глупости он начал дразнить ребенка, иронизировать и издеваться над ним, а через некоторое время *пороть*. Вообще все воспитание родителей было направлено на *порождение страха, порку и запугивание*. «Мальчишка должен испытывать страх, иначе он станет преступником»,

¹ Это странное высказывание было повторением слов, в свое время адресованных матерью пациенту на седьмом году его жизни: речь шла об онанистическом конфликте (см. S. 531). Быть активным для пациента означало онанировать. *Онанизм был позором*. Его пассивность большей частью была мстью за запрет онанизма.

² Федерн в его уже упоминавшейся статье обратил внимание на причины, приводящие к тому, что *прямая* коррекция интеллектуального расстройства становится невозможна.

таков был девиз. Пациента очень много пороли, причем родители, конечно, вовсе не замечали, что в более позднем моменте времени ребенок прямо провоцировал порку и мазохистически ею наслаждался.

Важно, что *до шестого года жизни* пациент был живым, довольно активным и лихим мальчишкой, демонстрировавшим, казалось бы, нормальное сексуальное развитие: хвастовство и гордость пенисом, сексуальное любопытство к гениталиям сестры, типично сексуальные агрессии против няни, онанизм и т. д. Правда, предъявляемые ему угрозы кастрацией были чрезмерно сильными: «Птичка улетит прочь, если ты будешь с нею играть, ты станешь *глупым* и заболеешь» — очень часто слышал он от няни, которая (по поручению матери) тоже очень много его порола. Однажды на пятом году жизни его застали на том, что он залез сестре под юбки. Сначала он получил «обязательные оплеухи» от матери, потом отец в наказание заставил его несколько часов простоять на коленях.

Все попытки добиться любви строгой, постоянно бранящейся матери проваливались. Пациент — на пятом году жизни — *обратился к отцу*, и фактически казалось, будто отец испытывал к ребенку больше интереса, по крайней мере преходящего. Из этого времени сообщается о прогулках с отцом, отец даже отвечал на вопросы мальчика, чего обычно никогда не происходило. Эту краткую идиллию расстроила *полная несостоятельность* пациента в первом классе школы и *публичное уличение в онанизме*.

Расстройство учебы началось уже в первые дни посещения школы. Мальчик ничего не понимал, не мог ничего запомнить, кратко говоря, был совершенно несостоятелен. Отец потерял терпение — мать тогда очень щедро его порола — и отвернулся от ребенка с грубыми

словами. К этому добавилось еще одно событие, переполнившее чашу.

Учитель вызвал мать пациента, объявил ей, что мальчик во время урока постоянно трогает свои гениталии, и потребовал от нее «отучить» ребенка. Последовавший скандал превзошел все прежде пережитые конфликты. Пациент напрасно отрицал. Даже в анализе прошло много времени, пока появилось воспоминание, что он фактически онанировал. Порка, брань стали теперь для мальчика «хлебом насущным» (выражение принадлежит пациенту). Пациент видел себя *покинутым обоими родителями* и становился все более строптивым и упрямым. Ради кого было ему уметь, если его никто не любил?

По истечении года учебы в школе родители отдали «неудавшегося ребенка» из дома¹. Еще в более ранние годы он регулярно проводил несколько месяцев в году вне семьи. Теперь его отправили в сельскую местность к одной строгой учительнице, и он оставался там со второго по пятый класс народной школы (с 7 по 11-й год жизни). Там тоже продолжился режим запугивания и порки — пациент мазохистически наслаждался. Ребенок едва ли продвигался в учебе, что, однако, практически не отражалось в табеле, поскольку учительница одновременно получала деньги за содержание у себя мальчика. Из-за редких посещений родительского дома мальчик чувствовал себя очень ущемленным, однако, на вопрос, хочется ли ему остаться дома, в сознательном упрямстве отвечал отрицательно.

Из времени пребывания в селе он вспомнил в анализе следующую важную сцену: пациент неоднократно видел, как женщины кормили грудью своих детей. Это очень

¹ Анализ с полной уверенностью показал, что расстройство учебы существовало еще до уличения его в онанизме в школе.

сильно возбуждало его сексуально, и он инсценировал следующую игру: он брал длинную соломинку, вставлял ее в пенис, конец подносил к губам *и пил собственную урину*. (Ср. упомянутая более поздняя перверсия питья урины.)

На 11-м году жизни пациент вернулся в родительский дом. Разразилась война, отец был призван, и пациент остался с матерью дома один. Мать еще раз попыталась справиться с мальчиком: она хотела, чтобы он окончил гимназию и поступил в высшее учебное заведение. Мальчишка свершал пассивную резистенцию, последовательно «разыгрывал из себя идиота», при этом отчетливо проявлялись *ненависть и месть против матери*. «В школе я часто молчал, хотя знал ответ, *чтобы побесить мать*». На 14-м году жизни пациента определили на родительское предприятие, при этом отец, вернувшийся с войны и угрюмо принявшийся за гражданскую работу, совершенно открыто издевался над ним, высмеивал и унижал его на глазах у рабочих. «Как только этот мальчишка откроет рот, оттуда выходит чушь». Рабочим он наказывал: «Даже не слушайте, что говорит этот сопляк, все — чушь». Страх пациента перед отцом во время пубертата был столь огромен, что он *годами не решался обратиться к отцу хоть с одним словом*. Официальным обоснованием было то, что отец однажды — когда мать пожаловалась на мальчика — пригрозил ему штыком.

Характерной для отношений отца-сына была сцена, разыгравшаяся у *смертного ложа отца*. Отец с прорвавшейся язвой желудка был помещен в госпиталь, семью известили о приближающейся кончине. 17-летний мальчик подходит к постели отца, собирается с духом и впервые за много лет робко спрашивает: «Как ты, отец?» — «Чего спрашиваешь, тупой мальчишка!» — было ответом отца. Через несколько часов наступила смерть.

После смерти отца пациент стал управляющим на предприятии и продолжил «разыгрывать из себя идиота» так, как было упомянуто вначале. Временами он совершенно сознательно саботировал, временами очень упрекал себя в том, что мать им недовольна. «Когда она смотрит на меня так укоризненно, я уже никакой».

Однажды на вопрос, что, собственно, доставляет ему радость, пациент незамедлительно объявил: «*Еда, питье и сон*». Уже это перечисление показывает господство *орального* влечения. Оно у пациента было настолько выдвинуто на первый план, что это требует обобщения. Пациент был большим любителем *поесть* и *выпить*. Ему всегда нужно было — также между приемами пищи — что-то *посасывать, чмокать, сосать*. Он выкуривал 30–40 сигарет в день. В кофейне и на обед, и на ужин он заказывал *содовую с малиной*, при этом с блаженством *сосал* соломинку для напитков. Любой предмет он брал в рот. На предприятии он беспрестанно «*пробовал*» идущие на переработку *продукты*. Его девизом было, «*главное, чтоб было сочно*». К этой группе относилась любовь к поцелуям с языком (сосание слюны¹) и *куннилингус*. Он ненавидел проституток с сухой вагиной, «влажная» вульва была предварительным условием его сексуального наслаждения. По этой причине он, насколько это было для него сознательно, вовсе не интересовался женской грудью: «Оттуда ничего не выходит», — тем не менее его изначальный интерес был просто вытеснен. Самого пациента в младенчестве кормили из бутылочки и никогда не прикладывали к груди. В кино его сексуальное заедствование заключалось в посасывании пальца партнерши. «Ты думаешь что-то оттуда высосать?» — спонтанно

¹ Сосание слюны приводило пациента — даже тогда, когда он был импотентен — к немедленной эрекции.

спросила его, при этом улыбаясь, одна из подруг. К той же категории относится его любовь к *выпиванию урины* проституток, причем в гениталиях женщины с предполагаемым пенисом пациент видел грудь. Тем самым он также отрицал беспенисность женщины, следовательно, избавлял себя от страха кастрации. Свой собственный пенис он тоже — бессознательно — рассматривал как грудь. (См. выпивание урины на 7–11-м году жизни.) Это выглядело так, будто разделение мужественного и женственного еще не было проведено, то есть из *страха кастрации* снова стало *обратимым*. Частое у него расстройство эякуляции оказалось *мстью женщине* за оральное разочарование. «Почему я должен что-то ей давать, разве она мне что-то дает?» — говорил пациент на более поздней стадии анализа. Можно сказать, что его *невротической валютой* было *молоко* либо *любой эквивалент молока*. Сюда относится и его странное отношение к матери в том, что касается денег. Его постоянная жалоба, что мать не дает ему денег, а если дает, то дает неохотно, можно понять как пребывание на оральной предшествующей ступени денежного интереса. *Везде и во всем он играет в маленького ребенка, которого нужно обеспечивать, кормить грудью и давать ему питание*. Он живет в постоянном страхе, что мать может оставить его *умирать с голоду*, это страх кастрации на оральной ступени. Свое жалование на предприятии он не рассматривает как эквивалентное работе. Он утверждает, что не может работать нигде, кроме как у матери, что только от матери зависит, умрет он от голода или нет¹. Его безмерная болтливость (*логорея*) точно так же орально детерминирована.

¹ Определенно при этом играет роль и профессия отца. «Хлеб насущный» имеет другое значение, если им торгует сам отец.

Если мы спросим, почему *интеллектуальное расстройство установилось именно к началу школы*, то ответ, что это время было наиболее удобным для появления такого расстройства, мало что даст. Я полагаю, что в игре задействовано и нечто совершенно другое, возможно, типичное. Абрахам в главе «Вклады оральной эротики в образование характера» своей работы «Психоаналитические труды по образованию характера» (Р. 49) говорит: «Большое практическое значение имеет *смещение детского удовольствия от сосания на интеллектуальную область*. Любознательность, удовольствие от наблюдения, получает значительные прибавки из этого источника».

В этих словах, практически говорящих, что способность принимать мысли других представляет собой повторение всасывания материнского молока, на мой взгляд, заключается *ядро вопроса псевдодебильности*. *Ребенка увещевают принять знания — принять орально, — и тогда при оральной фиксации¹ обязательно возникает конфликтная ситуация: ребенок регрессирует вследствие активации старого неулаженного орального разочарования на изначальную оральную ступень и отказывается от принятия*. Этот механизм комбинируется в неразделимое единство с *тенденцией к мести* воспитывающей персоне.

Какой же, исходя из этого, психический смысл имеет псевдодебильность этого пациента?

1. Вследствие произошедшего некогда орального разочарования пациент, как только что было показано,

¹ У пациента нужно допустить конституциональное усиление орального компонента. Только на нем устанавливаются реальные оральные разочарования из периода младенчества, возможно, состоявшего в реальной «нехватке» (кормление из бутылочки, воспитание без любви).

отказывается от принятия умственной пищи. Нет никого, для кого ему хотелось бы стать смышленным: его никто не любит.

2. Он *мстит* матери и отчасти отцу, которые хотели сделать из пациента «образованного» человека. Его «глупость» вторично стала успешным оружием в обороне от матери.

3. *Мазохистическое удовлетворение* редкого вида. Все угрозы наказанием, ожидания наказания, страхи перед наказанием и наказания родителей сексуализируются и вызываются провокацией. Все воспитание практически взращивало его мазохизм¹. При брани пациент также получает от матери еще нечто оральное: слова.

4. *Запоздалое послушание по отношению к отцу* от бессознательного чувства вины из эдипова комплекса. Ведь отец говорил мальчику, что он болван, и приказывал рабочим просто не слушать пациента. А ведь в известной фазе своего развития пациент должен был занять место отца. Одной из его фантазий было стать после смерти отца самым крупным торговцем продуктами питания в Австрии. Поэтому после смерти отца из чувства вины он исполняет его заповедь. Отсюда неспособность пациента «командовать» на предприятии.

5. *Попытки получить любовь матери путем вызывания сострадания*. Беспомощность и пассивность, которых, как должно было казаться ребенку, желала сверхэнергичная мать, должны были говорить матери: «Посмотри, я болен точно так же, как сестра, которой поэтому можно оставаться в родительском доме. Я тоже болен. Имей сострадание ко мне. Оставь меня тоже

¹ На мазохистические механизмы при расстройствах учебы обращает внимание Э. Якобсон. Int. Ztschr. f. PsA., 1932, S. 242ff. Оба описанных Якобсоном случая являются парциальными расстройствами учебы и не псевдобебельностью.

возле себя!» Отсюда происходит часть его женственной идентификации. Другая часть происходит из страха кастрации.

6. *Борьба с тем, что его не замечают.* Пациент привлекает к себе внимание родителей, если не по-хорошему, то по-плохому. Судьба его детства, когда его как глупца не замечают и смотрят на него сквозь пальцы, корректируется, пусть даже в духе недружественного внимания.

7. *Отрицание его сексуального знания, различия полов и страха кастрации.* Он якобы слишком глуп, чтобы знать что-то о сексуальном. Это означает отрицание онанизма и наказания за онанизм¹. До каких гротескных размеров доходил его страх кастрации и его отрицание всего сексуального знания, показывает следующее: в первые месяцы анализа пациент заявлял, что у него вовсе нет пениса. Он, по его словам, был не совсем уверен, что это не аист приносит детей. Откуда известно, что у женщины нет пениса? — неоднократно спрашивал пациент.

В этой связи следует указать на причины, приведшие к тому, что пациент был потентен с проститутками и импотентен с «приличными» девушками. Последние требовали от него мужской активности, к которой он был неспособен вследствие своего страха кастрации и своего, очевидно, также первичного мазохизма². В отношениях с проституткой он мог быть пассивным, быть ребенком, он

¹ Механизмы, схожие с теми, что обобщены под пунктами 2 и 7, оговаривает Ландауэр.

² Его *пассивность* имела следующие детерминанты: *предохранение от страха* перед сильной сексуальной агрессией и агрессией мести против матери, отчасти также против отца. («Если бы я не был пассивен, меня разорвало бы от страха».) Кроме того, вследствие женственной идентификации он всегда хотел быть совращаемым, в конце концов он полагал, что это *мать желает*, чтобы он был пассивным, — мнение, понятное при агрессии матери.

мог изживать свои *перверсные склонности* (куннилингус, уролагния, произнесение проституткой обценных слов, выполнение приказов), тогда как с приличными девушками он не решался изъяслять такие желания. Предохранение от страха кастрации, кроме того, обеспечивается тем, что при куннилингусе он всегда «убеждается», что у женщины есть пенис (вагина = грудь = пенис). Кроме того, тот факт, что многие мужчины имеют сношения с проститутками, доказал, что коитус не так сильно запрещен. Одновременно из мести *унижают* жену (мать), и месть матери оказывается еще сильнее, оттого что он платит деньгами матери! Однако даже тут посредством одной детали в своем поведении он делает *женщину дающей*: дело в том, что он всегда расплачивается более крупной купюрой, чтобы ему дали сдачу. Отношения с проституткой также является «*магическим жестом*»: давая деньги, он показывает, как ему хотелось бы, чтобы обращались с ним самим, ведь деньги для него являются доказательством любви. В конечном счете удовлетворяется его *мазохизм*: никто меня не любит, мне приходится покупать любовь. Небольшую роль играет также бессознательная гомосексуальность.

*
* *

Проблема *техники при псевдодобильности* решается нелегко. Ландауэр, варьируя изречение Шиллера, считает: *именно* боги напрасно борются с глупостью. «Ведь кто, уподобившись богу, подходит к глупцу с надменностью падкого на авторитеты педанта, кто приказывает и судит, тот никогда ничего не достигнет... Только вечно сохраняющаяся любовь может побудить его решиться выйти». Б. Бонтштейн подтвердила своей

пациентке, что ее глупость очень импонирует ей как достойное уважения свершение, и последовала девизу: «Я считаю тебя очень больной, но принимаю тебя как полноценную».

Описанный здесь случай дал множество технических трудностей, которые невозможно преодолеть одними процитированными выше тезисами. Прежде всего, иной была исходная ситуация анализа. Пациент начал анализ у одной очень опытной коллеги. Анализ проводился в классической манере несколько месяцев, однако — сразу после беременности коллеги и рождения у нее ребенка — возникла большая трудность переноса, которую не удавалось укротить сразу. Пациент стал патологически ревновать к *«господину сыну»* (младенцу) и предложил коллеге перейти на «ты». Он приходил во все возраставшее волнение с суицидальными идеями, так что коллега прервала анализ и передала пациента мне. Коллега и я ожидали, что изменение ситуации переноса даст более быстрый прогресс анализа, скорее с меньшими трениями. Пациент сразу согласился на смену аналитика. С одной стороны, потому что накал переноса страшил его самого, кроме того, — в наказание себе. Ведь он пришел ко мне с *готовым переносом*: я был *наказывающим, кастрирующим отцом*, который должен был наказать его за *его желания матери*, которые он щедро изживал в переносе у коллеги. В первые часы он ложится, молчит, перебирает руками, покрывается потом и, заикаясь, кричит: «Вы, Вы... подлец... Вы жулик, Вы... Я знаю, Вы хотите, чтобы я бранил госпожу доктора, я этого не сделаю, я нарочно не буду этого делать, я вообще не делаю ничего, что от меня хотят...» Когда я спросил его, почему он думает, что мне так важно, чтобы он побранил коллегу, он отвечает: «Вы должны обращаться со мной так, чтобы у меня всегда было чув-

ство, что Вы можете дать мне пощечину». Любой дальнейшей попытке подробнее остановиться на этой теме пациент препятствует стереотипным речевым оборотом: «Я Вас слышу, но я Вас не понимаю». На вопрос, чего он не понимает, он автоматически кричит, прикрывая уши ладонями: *«Не понимаю, не понимаю, не понимаю!»* При этом пациент демонстрирует проявления сильного страха. В следующие дни повторяется то же самое.

Ясно, что пациент рассматривает меня как *эзекутора его чувств вины*, наказания которого он еще провоцирует («подлец, жулик»). Было бы — теоретически — легко показать пациенту, что он повторяет. Однако для анализа, к сожалению, нужны двое, а пациент просто не хочет и не может. У него такой страх, что он вообще не может думать, и он ограждает себя от любой коррекции своих страхов нежеланием слушать: он закрывает уши ладонями. Он ничего не хочет знать о мотивах своего поведения, о желании наказания, упрямстве и т. д., очевидно, вообще хочет только получить свое наказание. В эти первые и все же столь опасные дни нет никакой возможности договориться с пациентом. К тому же появляется мать пациента и заявляет, что у нее кончилось терпение, она хочет интернировать сына, семейный врач, по ее словам, советует ей то же самое. Какой смысл, говорит она, имеет лечение, которое борется с «безумием» только словами? «Когда я продаю клиентам булки, пару добрых слов я говорю им в довесок. Думаете, клиенты стали бы платить мне за *одни* только слова? Где Ваш товар, господин доктор?»

В такой внутренне и внешне безутешной аналитической ситуации мы пытаемся *вернуть* существующую *ситуацию переноса*, уклониться от нее на несколько дней, пока не будет найден контакт. Поскольку самой большой трудностью является это стереотипное «Я не понимаю»,

это нежелание слушать и выставление себя глупым, я пытаюсь отнять у пациента самое сильное оружие его сопротивления следующим образом: меня как будто вовсе не заботит его «Я не понимаю», я *часами* рассказываю ему куски из других анализов со схожими ситуациями сопротивления, не устанавливая взаимосвязь с пациентом. Я словно анализирую в безвоздушном пространстве, пациент словно вовсе не играет роли. Будто ребенку без всякой тенденции рассказывают сказки¹. *Припев* всех этих «историй» всегда был одним и тем же: *сексуальность дозволена*. Я рассчитываю на то, что пациент где-то и когда-то должен был иметь с отцом и позитивные отношения, и надеюсь, что, услышав о том, как неловко вели себя в своих сопротивлениях *другие* пациенты, он все же как-нибудь себя выдаст, покажет, что он понимает сопротивления других лучше. Я беспрерывно на протяжении многих часов говорю в уютной, приветливой, иногда остроумной манере и веду себя, таким образом, совершенно отлично от действительного отца. На этот раз реальность не была карикатурой на представление ожидания. При рассказе о примере одного точно так же псевдодебильного импотентного пациента, отвечавшего на указание на его сопротивление классическими словами: «Сопротивление? Вы правы, нужно быть способным на сопротивление», пациент говорит: «Вот недотепа, ему бы надо знать, что такое сопротивление». Этим лед был сломан; пациенту можно стало показать, что его «Я не понимаю» вовсе не правда, что он, напротив, очень хорошо понимает, что я имею в виду. Разумеется, я общаюсь с ним абсолютно *на равных*, что-то даю ему:

¹ Классическая техника в таких случаях, на мой взгляд, едва ли применима в *начале* анализа, нужно пытаться комбинировать ее с педагогическими мерами.

слова («дружбу», как назвал это пациент), — и его нарцизму льстит, что многое из его «бессмыслиц» имеет такой хороший смысл.

Пожалуй, лишним будет подчеркивать, что я не воображаю, будто попыткой *повернуть* ситуацию переноса в *позитивное* я избавляю себя от анализа кастрационных желаний пациента. «Поворачивание» было всего лишь попыткой установить *modus vivendi*¹ и *создать атмосферу, в которой вообще можно было бы анализировать*. Теперь в бессознательном представлении пациента я играл двойную роль: отца как друга, в повторении отношения с отцом на пятом году жизни, и кастрирующего, наказывающего отца. Пациент снова и снова пытался затащить меня в роль запрещающего. Тем не менее уже тогда появилась возможность провести анализ эдипова комплекса, раскрывший под нормальным комплексом слой, в котором пациент думал, что мать при коитусе причиняет что-то отцу (кастрация), и желал, чтобы так было.

Лишь на гораздо более поздней стадии анализа пациент научился почти правильно ассоциировать. Он проводил часы за разжевыванием уже известных материала и толкований. Его логорея не касалась внезапных мыслей.

Особенная трудность, помимо того, состояла в том, что временами пациент сознательно подтверждал и хотел изжить все свои перверсии и импульсы мести.

Можно было бы поднять вопрос, не является ли пациент в самом деле умственно ограниченным человеком. Этому противоречит тот факт, что благодаря анализу осуществилось *относительно* столь большое изменение в пациенте. Результат, конечно, не является

¹ [Modus vivendi (*лат.*) — временное соглашение.]

идеальным, удовлетворяющим без остатка. Если позволите, пример из наших дней падения курса валюты: это как если бы английский фунт стабилизировался на стоимости не в 35 шиллингов (нормальный курс), а в 10 шиллингов...

Как бы то ни было, случай доказывает верность утверждения Абрахама, что удавшаяся переработка оральной эротики является первой и тем самым важнейшей предпосылкой последующего нормального поведения.

Научное издание

АЛЬМАНАХ

**КАФЕДРЫ КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ
И ПСИХОАНАЛИЗА**

Выпуск 2

Корректор *Е.В. Литовченко*

Дизайн обложки *М.С. Селиверстовой*

Компьютерная верстка *М.С. Селиверстовой*

ООО Издательский дом «ERGO»

www.ergo-izhevsk.ru

E-mail: office@ergo-izhevsk.ru

Гарнитура Times New Roman.

ISBN 978-5-98904-237-1